

Ольга Ахметова

ЯВЛИНКА

Ольга Ахметова

Медиум. Явлинка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38572066

ISBN 9785449351524

Аннотация

«Явлинка» – первая книга серии «Медиум» о мире Окутных земель, где все еще рождаются одаренные. В семнадцать лет она почти умерла на жертвенном камне с вырезанной на лбу надписью «ВЕДЬМА». Но то, что деревенский мантар принял за колдовство, оказалось ее удивительным даром – способностью мысленно общаться с миром природы. Ивири – новоявленный медиум – явлинка, за которой охотятся подземные стражи Варрока и служители башен Родарии.

Содержание

Пролог	5
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	42
Глава 4	51
Глава 5	67
Глава 6	82
Глава 7	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Медиум. Явлинка

Ольга Ахметова

Редактор Анна Науменко

© Ольга Ахметова, 2024

ISBN 978-5-4493-5152-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В память о папе

Спасибо

Моей матери, благодаря которой эта книга ожила.

Другу, который поверил в меня за нас обоих.

Подруге, в разговорах с которой родились ключевые идеи.

Анне, моему редактору, за глубокие вопросы и смыслы.

Вам и Вашему яркому воображению, любимый читатель.

Пролог

*Даже у самого темного зла есть светлое
прошлое.*

Небольшая деревянная лодка бесшумно скользила вдоль берега, рассекая черную, непроницаемую водную гладь. Ночное небо затянула плотная пелена облаков, повергнув в густую темноту крохотное поселение в заливе морского берега. По периметру деревушки, словно стайки светлячков, горели огни – ночные дозорные грелись у костров. Ни один из этих крепких зорких рыбаков в непроглядную ночь не заметил чужую лодку, причалившую к берегу в тени нависшей скалы. Высокий человек в длинном черном плаще аккуратно ступил на песок. Его лицо скрывал глубокий капюшон. Он повернулся к деревне и прищурился. Чужая сила, скользившая между ветхими домишками, вводила в глубь поселения, к «центральной площади» – вытоптанному кругу диаметром несколько десятков метров. Посреди круга на насыпи из прибрежных валунов возвышался грубо вытесанный каменный крест.

Позади раздался шорох и из темноты медленно вышел огромный черный медведь. Человек кивнул головой, здороваясь со зверем. Медведь тоже тряхнул косматой мордой и неожиданно сорвался с места. Отталкиваясь всеми четырь-

мя лапами, он бежал по песку вдоль морского берега, а отбежав от человека на сотню метров, издал громкий рык, разрезавший плотную ночную тишину.

Со всех сторон послышались встревоженные окрики – дозорные повскакивали со своих насиженных обогретых мест и, похватав вилы, топоры, зазубренные палки, бросились на звериный рёв. А медведь поскакал дальше, гарцуя у кромки воды, словно заправский жеребец. Пока всеобщее внимание было приковано к зверю, человек в черном плаще тенью заскользил между небольшими деревянными постройками. Уже через несколько минут он достиг своей цели.

У подножья каменного креста, который вблизи оказался еще более нелепым и грубым – словно две случайно завалившиеся глыбы, – стоял длинный деревянный помост, на котором лежала распятая девушка. Ее запястья и голени были завалены грудями камней.

То, что не так давно называлось платьем, превратилось в рваное тряпье, кое-где клочками повисшее на исцарапанном, изрезанном, покрытом сине-фиолетовыми пятнами теле. Вонь и смрад, поднимавшиеся от нее, были невыносимыми, видимо, девушку несколько дней кряду поливали помоями и испражнениями. Черты лица слились в сплошной лиловый синяк, а на лбу сочилась кровью свежая, вырезанная ножом на коже, надпись «ВЕДЬМА».

Человек молнией метнулся к помосту и начал разбрасывать камни. Руки и ноги под ними были в ужасном состоя-

нии. Судя по всему, на одной ноге была раздроблена кость. Удивительно, что девушка осталась жива. Он вынул из-за пазухи второй плащ, аккуратно завернул невесомое тело и исчез с ним в темноте. На другом конце деревни все еще слышался медвежий рев и крики людей. В домах уже зажгли свечи – разбуженные ночным шумом жители осторожно открывали ставни, испуганно вглядываясь в ночь. Но ни один из них не заметил темного силуэта между домами, слившегося с тенью. Спустя несколько мгновений человек уже отчаливал от берега в своей крохотной лодочке, на дне которой лежала укутанная в плащ полумертвая девушка.

Весь следующий день они качались на волнах. Лодка очень быстро шла по течению, скалистые уступы по правую сторону сменялись на усыпанные золотым песком безлюдные берега. Человек в черном плаще то и дело прислушивался к слабому дыханию девушки, вливал в рот по каплям жидкость из фляги и обтирал влажной губкой тело, смывая кровь и грязь. К вечеру ее начало трясти. Он нетерпеливо поглядывал на медленно садящееся солнце и едва последние лучи скрылись за горизонтом, схватился за весла. Лодка послушно заскользила к далекому берегу. Скалистые уступы исчезли, практически к самой кромке воды подступили деревья. Причалив к берегу, человек перенес девушку и небольшой походный мешок на траву, а потом оттолкнул лодку, которая, избавившись от пассажиров, заскользила еще быстрее, навстречу открытому морю.

Закинув мешок за спину, аккуратно уложив девушку на плечо, человек, не теряя ни секунды, пошел напрямиком в чащу леса.

Часть I

Глава 1

Устало разогнув затекшую спину, Ивири откинула со лба упавшую на глаза прядь волос. Солнце клонилось к закату, а работы ей предстояло до самой поздней ночи. Это еще если повезет, и рыбаки не вернутся сегодня. Или вернутся, но с пустым уловом. Она кое-как размяла затекшие пальцы и вновь склонилась над огромным узлом спутанных жестких нитей рыболовной сети. Внезапно в голову больно ударило что-то острое.

– Придурошная! Придурошная-придурошная!

Из-за ближайших валунов выглядывали соседские мальчишки, беззубо скалясь грязными чумазыми рожицами. Один из них, хозяйский сын, десятилетний Лукан, радостно подпрыгивал на месте и орал:

– Попал! Попал в Ивку-дурку!

По затылку потекло что-то теплое, голова гудела, Ивири осторожно дотронулась до волос и поняла, что мальчишка камнем разбил ей голову. В следующее мгновение ее спину осыпал с десятков прибрежных камешков.

– Ивка-дурка – ведьмина дочурка!

– Чумная крыса!

– Чертова невеста!

Девушка встала во весь рост, развернулась к орущей кучке – крик и гогот мгновенно стихли, несколько пар горящих дурным азартом глаз уставились на нее.

– Порчу наведу, за скалы занесу, птицам брошу на съедение, – негромкому вкрадчивому голосу для театральности она добавила поднятые вверх скрюченные пальцы рук и сделала маленький шажок в их сторону. Словно стая перепуганных гусей, дети с диким гоготом бросились врассыпную, и уже через секунду берег вновь опустел.

Ивири устало опустилась на теплую прибрежную гальку и вытерла кровь с шеи. Глупые маленькие сычи. Она бездумно глядела в морскую даль, мурлыча под нос «свою» мелодию, перебирая нескончаемые узлы в грязной рыбацкой сети.

Из-за близлежащей скалы, врезающейся в море на добрую сотню метров, вдруг показалось небольшое, странной формы суденышко с темной фигурой посередине. Человек не греб веслами и, казалось, безучастно сидел, подставив спину в черной мантии вечерним лучам заходящего солнца. Лодка и странный рыбак явно были чужаками. Ивири нахмурилась и оглянулась в сторону деревни. Уже пылали первые костры – жены выходили на берег и, в ожидании своих мужей, принимались стряпать ужин. Вокруг костров с визгом и хохотом носились дети. Она перевела взгляд на фигуру в лодке и вздрогнула: лица в широком капюшоне было

не разглядеть, но человек повернул голову и, она чувствовала, смотрел прямо на нее.

Сильный, теплый, необычный поток ветра коснулся лица, мягко омывая кожу. Ивири даже подскочила от неожиданности. Очень странный ветер. Ни единый волосок на ее голове не шевельнулся, а по телу побежали стайки невидимых муравьев. Что-то было в нем – в этом ветре... Вопрос? Сердце забилось как сумасшедшее. Кое-как смяв в охапку тяжелую сеть, она что было сил бросилась в сторону деревни, но уже через мгновение пребольно растянулась во весь рост на камнях, споткнувшись о валун. Тут же поднявшись на ноги, она вновь бросилась бежать. У дома на краю поселка девушка обернулась. Лодка пропала, лишь над водой безмятежно парили чайки.

На пороге родного дома уже стояла хмурая хозяйка, уперев свои огромные ручища в покатые бока. Из-за ее грязной юбки выглядывало ухмыляющееся замурзанное лицо Лукана. Лила и Ямаш сидели неподалеку, колупаясь в камешках.

– Где тебя носит, чертовка?! – яростно зашипела матушка Гата, нахмутив брови.

Руки Ивири дрожали от страха, но не перед хозяйкиным гневом. Она остановилась в нескольких шагах от женщины и со вздохом свалила огромный ком рыбацкой сети себе под ноги.

– Я тебя спрашиваю! Где ты шлялась? Рыба вся протухла, пока ты по скалам скачешь! Я тебя продам, тварь неблаго-

дарная! Ты по что Лукашку пугаешь, ведьма? Ты кого пугать вздумала?! – голос матушки Гаты повышался, пока не перешел в противный визг, она схватила висящий на поясе кожаный хлыст и бросилась к девушке. Ивири упала на колени, обхватив руками голову. Ямаш громко заплакал. Несколько ударов рассекли кожу на спине и плечах. К реву Ямаша присоединился плач Лилы.

– Бесово отродье! Животное! Не смей пальцем трогать моего ребенка! Ведьма! Я тебе такого наколдую! Порчу она наведет!

Ударив девушку еще несколько раз и, видимо, выпустив пар, хозяйка теперь лишь осыпала Ивири проклятиями.

– Ты ему ноги будешь целовать! Каждый божий день! Каждый вечер перед сном! Ты слышишь?! Не только мыть, целовать теперь будешь! Вылизывать! Шавка подзаборная! – женщина сплюнула на землю рядом с лежащей девушкой, развернулась и пошла в дом. Стоявший неподалеку Лукан захихикал:

– Ну что, доколдовалась, Ивка?

Ивири не взглянула на него. Разогнув пылающую спину, она с трудом встала и на шатающихся ногах подошла к заливающимся слезами малышам. Лила поднялась и заковыляла ей навстречу, не умеющий ходить Ямаш тянул свои маленькие пухлые ручки, периодически размазывая грязные потоки слез по беленькому личику. Девушка опустила в траву и обняла обоих.

Пройдет совсем немного лет, и эти малыши забудут свои нежные чувства к Ивири, безвозвратно превратившись в такие же безжалостные создания, как подросший Лукан. А ведь когда-то Ивири так же нянчила его, любила и обожала, как этих карапузов.

Дети перестали плакать мгновенно, стоило ей взять их на руки. Лила гладила волосы Ивири, а Ямаш зарылся девушке в шею, тихонько погукивая. Ивири шумно вдохнула приятный родной запах малышей. И, как всегда бывало, вместе с пряными нотами грудного молока и сладких волосиков в нее влились сила и спокойствие.

В маленьком поселке Киран ее не любили, слишком многое себе позволяла эта девчонка. То ни с того ни с сего пускалась в пляс на берегу моря во время грозы, словно одичалая. Рыжие волосы, намокнув, становились цвета крови, облепив белокожее тело. Рыбаки, их жены и дети – все были смуглыми. Жизнь на берегу Удайского моря иссушивала и обветривала их кожу с первых дней рождения. Кожа Ивири оставалась жемчужно-белой.

Девочка с детства разговаривала с глупой скотиной, да так, что та чудным образом слушалась ее. Друзей у нее не было, разве только старый лекарь Маим. Дружеских разговоров они не водили, старик вообще был не особо разговорчив, как и сама девушка, но было у него кое-что, что безумно волновало Ивири – книги. Ее страсть к чтению – очередной повод глубокого осуждения жителями деревни. Как так, чтобы

девка, вместо того, чтоб с такими же, как она, хороводы водить вокруг костра да парням подмигивать, каждую свободную минуту проводила за черточками и закорючками на истлевших страницах, которые едва сам старик-лекарь разбирал. Чудная, одним словом – «придурашная». Но Ивири никогда, даже в детстве, не обижалась на прозвища и оскорбления. С годами прошел страх и перед мантаром Роухом. Маленького роста, толстый противный человечек в красной рясе, вечно покрытой жирными не отстирывающимися пятнами, считался самым уважаемым в деревеньке Киран. Мантар закреплял брачные союзы, провожал покойников в последний морской путь и читал каждое воскресенье проповеди, восславляя Верховных Правителей Варрока. Раз в год, накануне зимы, он с торжественным видом отправлялся на своем древнем ослике в Рукрин доставить илиналу города доклад о том, как прошел рыболовный сезон в деревне. Ивири терпеть не могла злобного мантара – она чувствовала, что старикашка не любит ее, частенько лоя на себе его острый взгляд. Когда она выросла, он все больше о чем-то шептался с матушкой Гатой в дни, когда хозяин был в море. И шептались они о ней, Ивири, девушка это чувствовала.

Год назад, Ивири как раз исполнилось шестнадцать, у соседей помирала корова. Соседка горько плакала, предчувствуя гнев своего мужа, как только тот вернется из моря и обнаружит мертвую кормилицу. Женщины собрались утешать ее, а мантар Роух, стоя над лежащей и жалобно мычащей

у его ног коровой, с умным видом вещал о том, что злые горные духи возжелали забрать корову за грехи хозяйки. Ивири очень любила животных и при виде страдающей коровы не смогла удержаться – подошла и положила руку ей на голову. И девушке, как это обычно бывало, показалось, что она знает, где болит – в пасти животного. «Заварите ей черняка», – неожиданно для себя самой сказала Ивири убитой горем хозяйке. Мантар впился в нее ненавидящим взглядом, и, уходя, Ивири слышала его слова о «ведьминых корнях». К ее удивлению, соседка послушалась совета, и корова через несколько дней выздоровела. А мантар пуще прежнего выслеживал с тех пор девушку своими глазками-буравчиками на поросычем лице, да все шептался о чем-то с матушкой Гатой.

За спиной у костров послышались радостные женские крики, волной покотившиеся вдоль берега – рыбаки возвращались с уловом. Хозяйка вновь выскочила на порог, поднесла руку к лицу, вглядываясь в море:

– Идут?

– Идут! Идут! – заорал Лукан и вприпрыжку понесся к берегу, с которого уже отчетливо виднелся десяток рыбацких лодок.

Хозяйка опустила взгляд на сидящую с детьми Ивири и вновь нахмурилась:

– Чего расселась? Бегом в дом, рыбу чисть! Хозяина кормить надо!

Спустя несколько часов с ужином было покончено, солнце скатилось за горизонт, и берег селения заполнился дымом тлеющих костров. Люди рассаживались удобнее, поближе к огню. Ивири споласкивала посуду пресной водой в огромном тазу у хижины, то и дело поглядывала на стремительно темнеющее небо над бескрайней гладью воды. Странного рыбака, если то был рыбак, не было видно, но он никак не выходил у нее из ее головы. Домыв последнюю тарелку и вытерев ее досуха, она отнесла посуду в дом, сложила в сундук и вернулась. Схватившись обеими руками за край огромного чугунного таза, она кое-как дотащила его до ближайшего деревца, перевернула, вылила воду под корень, передохнула с минутку и поволокла дальше к берегу. В стороне неподалеку сидела семья ее хозяев: вернувшийся с моря дядюшка Рунт с Лилой и Ямашем на коленях, рядом примостился Лукан, а по другую руку – старшая Рида задумчиво ковыряла в углях прутиком. Хозяйка, матушка Гата, сидела спиной к Ивири и, видимо, вводила мужа в курс дела последних деревенских сплетен. Заметив Ивири, Рида прищурилась, наблюдая. Однако не одна она заметила волокущую огромный таз девушку – позади раздался крик:

– Ивири! Дай помогу!

Двое рослых парней – Грей, старший хозяйский сын, и его друг Тимар, спешили к ней на помощь, торопливо шлепая босиком по прибрежным волнам. Ивири остановилась и, с трудом выпрямив ноющую спину, улыбнулась.

– Здравствуй, Ивири! – Тимар светился доброй белозубой улыбкой, однако поравнявшись с девушкой, юноша вмиг по-мрачнел:

– Тебя опять били?

– Грей! Тимар! Рада вас видеть живыми—здоровыми! Как улов? – Ивири улыбнулась им обоим, потрянув волосами, чтобы скрыть след от кнута на плечах. Молодые люди обменялись хмурыми взглядами.

– Грей, поговори с матерью, – Тимар решительно посмотрел на товарища.

Грей встретился с Ивири взглядом и отвернулся:

– Поговорю, – сказал он сквозь зубы.

– Хозяин Грей, вы что выдумали! – взволнованно вскинулась девушка, – Не нужно говорить с матушкой Гатой! Хозяйское дело – решать бить ли и за что! В конце концов, если мне станет неважно, я сама разберусь, что делать дальше со своей жизнью, – неожиданно для себя самой добавила она и бросила взгляд на горные пики Ашрум.

Молодые люди уставились на нее во все глаза:

– Это что же ты надумала? – изумленно спросил Тимар.

Ивири поняла, что сболтнула лишнего и весело взглянула на них:

– А кто обещал помочь-то?!

Парни спохватились и, ухватив таз с двух сторон, заскочили по колено в воду, несколько раз наполнили его и вылили. Прополоскав посудину, они вытащили ее на берег и по-

несли к дому. Ивири поймала искаженный ревностью взгляд Риды. Лет десять назад, еще маленькими, они играли вместе, так же, как сейчас Ямаш возился в песке с Лилой. Повзрослев, Рида отстранилась от Ивири – матушка Гата тому пылко способствовала, запрещая им общаться. Когда же на подростую рыжеволосую и белокожую Ивири начали заглядываться местные парни, в хозяйской дочери, обделенной изяществом и красотой, поселилась злоба. А с первой тайной страстью Риды к широкоплечему Тимару расцвела и ненависть к противной службе, которой парень каждый раз улыбался во всю физиономию. И Ивири стало доставаться еще больше тумачков и еще меньше хлеба в семье матушки Гаты.

Поселок окутали сумерки. Черная морская гладь блестела и переливалась серебряной чешуей в свете полной луны. Тихое, уже полусонное побережье разрезал женский визг. К нему присоединилось еще несколько: кричали на краю поселка у нескольких костров, расположенных ближе к скалам. Женщины верещали, указывая руками на большую тень, медленно продвигавшуюся вдоль камней. Мужчины похватили вилы и лопаты, однако никто не пытался приблизиться к существу.

И вновь теплый ветер дохнул Ивири в лицо. Он пришел к ней, она поняла это мгновенно и ясно. Пламя костров осветило его густую черную шерсть и круглую косматую голову. Огромный медведь пришел в деревню. Ивири не чувствовала страха. Острый, жгучий и странно *чужой* интерес.

Она пересекла двор. Девушка и животное двигались друг другу навстречу до тех пор, пока расстояние между ними не уменьшилось до нескольких метров. Тогда оба остановились. На какое-то время их глаза встретились. Ивири вдруг очень сильно захотелось попробовать на ощупь этот теплый мех.

– Ивири! – Тимар стоял ближе остальных мужчин, шагах в десяти, уставившись круглыми, полными ужаса глазами на девушку. Рядом с ним бледный Грей сжимал в руках вилы. – Не двигайся!

Ивири не понимала, что он хочет сделать. Тимар осторожно шагнул в сторону и крикнул, обращаясь к медведю:

– Смотри сюда, урод! Смотри на меня! Давай! – он принялся размахивать руками, – Иди, побегай за мной! Развлекемся!

– НЕТ!!! – заверещала женщина у одного из костров и стала оседать на землю, ее едва успел подхватить стоящий рядом старик. Это была мать Тимара.

Медведь в недоумении уставился на скачущего перед ним юношу, потрянул мордой и опять повернулся к Ивири. Девушка, не обращая внимания на парней, сделала еще несколько шагов и уже протянула руку к его голове, как вдруг голос подал Грей:

– Не смей, дура, что делаешь?! Он же руку по локоть откусит! Беги от него! Мы тебя прикроем!

– Грей! – на этот раз неподалеку закричала матушка Гата.

Дядюшка Рунт тяжело грохнул ее по плечу своей ручищей:

– Заткнись, Гага. Уведи детей в дом! Грей, – негромко обратился он к сыну, – а ну-ка подойди ко мне. Только не слишком резко, – добавил он.

Но сын и не думал слушаться. Он отчаянно прошипел девушке:

– Ивири, беги!

Она наконец-то поняла, что все эти люди хотят одного – убить медведя! Да только *он* этого абсолютно не понимал. Более того, в нем не было ни капли злобы – это было ясно, как то, что мед сладкий, а вода мокрая. Как глупо. Она подняла руку и, наконец, погладила его по голове между косматых ушей. Медведь тихонько рыкнул.

По деревне прошел ропот, люди охали, ахали, кто-то обескураженно присвистнул, женщины с детьми на руках бросились по домам, воспользовавшись тем, что животное было увлечено девушкой. Грей, Тимар и другие мужчины, незаметно окружившие их плотным полукругом со стороны деревни, стояли, словно вросшие в землю. Тут незваный гость аккуратно поднялся на задние лапы и встал во весь рост. Он оказался огромным, едва ли не вдвое выше Ивири. Подняв большую косматую голову, он издал громкий рык. «Словно сообщает что-то кому-то», – подумалось девушке. Он рад, он очень рад, доволен! Ивири в ответ счастливо улыбнулась и, отчего-то, вдруг даже легко засмеялась. Животное опустилось на все четыре лапы, забавно фыркнуло, – девушка го-

това была поклясться, что это был смешок – и тряхнуло головой, словно приглашая ее с собой на прогулку.

– Куда пойдём? – с готовностью спросила Ивири.

Медведь повернулся задом к армии вооруженных вилами рыбаков и потопал к воде. Девушка пошла рядом.

– Эээ, ведьма...

Тихий шёпот пробежал по ряду мужчин.

– Мантар прав был...

– Зовите Роуха!

В лунном свете купались девушка и медведь. Молодой человек подошел к самой кромке воды, остановился, стиснув зубы. Нежные волны разбивались о босые ноги Тимара.

Глава 2

Решительно наступая с разных фронтов, боль щедро возвращала предательское тело. Ивири с трудом открыла глаза и уставилась в залитое миллионами звезд черное небо. Слегка повернув гудящую голову набок, поморщилась – малейшее движение давалось с трудом. Неподалеку трещал костер и весело булькал подвешенный над пламенем небольшой котелок. Уловив запах мясного бульона, Ивири с шумом втянула в себя воздух. У костра сидел мужчина и вертел в руках высокий кожаный сапог. Ноги его были разуты, свои грязные пятки он подставил поближе к пламени. Раздался треск веток и из лесной чащобы вышел к огню другой – огромный детина с коротко стриженными волосами, круглолицый. Кожу на лице покрывала густая черная щетина. Оба были одеты в добротные черные плащи. Благородные господа верны, не иначе. Во время движения под плащом здоровяка несколько раз блеснула (уж не золотом ли?) рукоять меча.

Ивири жутко хотелось пить, в голове шумело, тело, словно деревянная колода, не принадлежало ей. Собравшись с силами, девушка прохрипела: «Воды», однако горло отказалось повиноваться и с ее губ слетел звук, больше похожий на негромкое воронье карканье. Но ее услышали. Мужчины повернули головы к повозке, сидящий человек встал, и Ивири узнала в нем рыбака из необычной лодки. Сердце замета-

лось в груди. Они подошли к ней, внимательно вглядываясь в лицо.

– Вечер добрый, – вежливо поздоровался «рыбак».

Ивири поняла, что впервые слышит настолько необыкновенно красивый голос, низкий и глубокий. Этот человек был таким же высоким, как и его спутник, но при этом намного стройнее, превосходно сложенный, с угольно-черными волосами и квадратным, заросшим щетиной подбородком. На смуглом лице под тяжелыми веками горели пронзительные синие глаза.

Словно читая ее мысли, он предложил:

– Воды?

Ивири едва кивнула головой. Он снял с пояса флягу, открыл крышку и аккуратно поднес к её губам. Ивири сделала несколько жадных глотков.

– Как тебя зовут?

– Ивирия, – прохрипела девушка.

– Ивирия... – он задумчиво смотрел на нее. Здоровяк стоял рядом молча. – Мое имя Дерк, а это мой друг Эйдей, – он кивнул на своего спутника. – Мы вынесли тебя из твоей деревни – сняли с жертвенного камня. Твои ноги и руки в плохом состоянии, но главное, что они остались при тебе. Как ты сейчас себя чувствуешь?

– Зачем? – вместо ответа прохрипела девушка.

– Зачем? – повторил Дерк.

– Зачем спасли? – слова давались ей с трудом.

Дерк нахмурился:

– А ты считаешь, тебе следовало умереть?

Ивири прикрыла глаза. В голове пульсировал незадаанный вопрос: «Зачем это нужно было *вам?*». Ничтожные силы покинули её, и девушка моментально провалилась в сон.

Когда в следующий раз она пришла в себя, по щекам стучали редкие холодные капли. Ивири открыла глаза. Вокруг вновь было темно, лишь сбоку падал тусклый желтый свет. Срывался дождь. Капли взрывались у нее на щеках прохладными фонтанчиками, и Ивири вдруг улыбнулась. Все же чудо, что она осталась жива. Несмотря на боль, ей было тепло и уютно на мягкой соломенной подстилке. Она ощущала мелкие колоски между пальцев и жадно вдыхала сладкий запах сена. Сверху ее укрыли теплым плащом, защищавшим тело от ветра и дождя.

Они стояли на месте. Морщась от боли, Ивири неуклюже выгнулась на своем соломенном ложе и увидела высокую черную стену, выложенную из огромных неровных валунов. В стене светилось крохотное окошечко, в которое не пролез бы даже кулак. Тут она заметила своих спутников – черные плащи. Здоровяк (как его?) Эйдей, стоял рядом с повозкой, а второй – Дерк – подошел и склонился над окошком.

– Мое имя верн Нек Руйм, я оружейник из Вармина, со мной мой брат Эрей и сестра Наири, – громко провозгласил Дерк. – Мы путники, пришли к целительнице – верне Лане. Моя сестра тяжело больна.

Какое-то время ответом была тишина, но внезапно из окошка глухо донесся хриплый голос:

– Что за хворь? Заразная?

– Нет, она упала с лестницы и разбила кости, наш лекарь не смог залечить раны.

Раздалось бормотание, сквозь которое Ивири показалось что-то вроде «развела притон» и «проклятая ведьма». Однако за ним последовал грохот и скрип железа – ворота открылись и на путников хлынул поток света множества факелов. Повозка тронулась с места.

Вокруг слышались шепот и аханья.

– Ай да кони...

Что там за кони? Чему они так удивляются?

– Благородный верн желает, чтобы его провели к вёрне Лане? – тот самый голос из дыры приобрел заискивающие ноты.

Она почувствовала холод в ответе Дерка:

– Я знаю дорогу.

Людей на улицах не было, их повозка громко стучала, трясясь по пустой мостовой. Мимо проплывали невысокие двухэтажные домики с горящими окнами. Ивири глядела на струйки дыма над крышами. Они ехали еще довольно долго, пока не остановилась у ворот. Сквозь закрытые ставни окон пробивался яркий свет. Дерк спешил. За воротами слышался звук открываемой двери. Через мгновенье невысокая калитка отворилась и к ним выбежала маленькая

девочка в длинной рубаше. Дерк наклонился и что-то тихо сказал ей. Девчушка нырнула обратно в дом, а Дерк тем временем по-хозяйски сам открыл чужие ворота, запуская лошадей с повозкой. Послышались крики, и на залитом светом пороге появилась потрясающей красоты вёрна в длинном халате, накинутом на белоснежную ночную сорочку до пят. Великолепные светлые локоны струились плащом до самой земли. Она сразу же бросилась к Дерку, на краткий миг они горячо обнялись, потом женщина повернулась и подбежала к только что спешившемуся здоровяку:

– Эйдей!

Едва он успел обнять ее огромными ручищами, как она выскользнула и ринулась к повозке. В темноте над Ивири возникло женское лицо.

– Это Ивирия, – Дерк подошел и стал рядом. – Нужно, чтобы ты посмотрела ее ноги, Лана.

– Здравствуй, Ивирия, – просто улыбнулась женщина. На её щеках играли мягкие ямочки.

Ивири в ответ еле выдавила из себя слабую улыбку.

– В дом! – провозгласила Лана, пробежав взглядом по лицу девушки.

Несмотря на то что Эйдей очень аккуратно поднял Ивири на руки, снимая с повозки, девушка с трудом сдержала крик, настолько остро полоснула боль по телу. Он понес ее в дом вслед за вёрной Ланой, и стоило им переступить порог, как вдруг боль значительно отступила – прям колдовство!

Они прошли через тускло освещенное помещение, поднялись по ступенькам и оказались в большой залитой светом комнате, посреди которой стоял широкий деревянный стол. Прямо на него Эйдей и положил девушку.

– Имя какое красивое – «И-в-и-р-и-я»! – почти пропела верна, обойдя вокруг стола. – Эйдей, друг мой, пойди на кухню, поищи вина, Кара отрежет вам с Дерком черничного пирога.

Эйдей кивнул и вышел. Его место у стола заняла маленькая девочка, которую Ивири заметила еще во дворе. На вид ей было не больше семи лет.

– Разматывай бинты Клина, – бодро приказала ей Лана. Сама она быстро заправила волосы под белоснежный платок и сбросила халат, оставшись в одной ночной сорочке без рукавов.

– Что вы... – Ивири вдруг осеклась. Мягкий успокаивающий дурман окутал голову.

– Милая, ты натерпелась, я смотрю, – верна провела руками по ее лбу, сняв с него повязку, и принялась промокать голову прохладной влажной тканью. Девушке стало приятно, едва возникшие тревога и страх перед чужим домом улетучились и были мгновенно забыты. Ивири вдруг показалось, что стол, на котором она лежит, залитая светом комната, и большой дом, и даже маленькая девочка были продолжением прекрасной Ланы. Искрящийся свет пронизывал все вокруг и ее саму; по телу от макушки до кончиков пальцев

на ногах побежали приятные мурашки. Наверное, она бредит. Легкие руки женщины и ее маленькой помощницы порхали над ее телом, словно прикосновения бабочек. С каждым мгновением боль отступала.

– Я всего лишь постараюсь тебе помочь. Скажи, какое время года ты любишь больше всего?

Ивири попробовала вспомнить.

– Зиму.

– Зиму? Как странно! Обычно люди называют лето либо весну, – голос Ланы журчал, как родник. – Весна радуется красками и теплом после долгой холодной зимы. Лето и осень дарят вкусные плоды. За что же ты полюбила суровую зиму?

– Читать... Я люблю читать зимой. Уютно. Меньше работы...

– Читать? Ты умеешь читать, Ивири? Это большая редкость, я тебе скажу... Коснись вот тут, Клина, – она говорила что-то еще, но девушка уже проваливалась в сладкий дурман, свободный от боли и страха. Последнее, что запомнила Ивири, – приятный запах древесины и прикосновение легкой маленькой ручки к ее запястью.

Очнувшись она уже совершенно одна на широкой мягкой кровати. Села, спустив босые ноги на пол, оглядела небольшую, скромно обставленную комнатку. За окном стояли сумерки: то ли утро, то ли ночь. Ивири с удивлением уставилась на свои руки – в полумраке кожа на запястьях отсвечивала неровными белесыми рваными полосами. Она провела

пальцем по шрамам – места некогда жутких ран отозвались лишь легким покалыванием и зудом. Щиколотки тоже украшали светлые неровные шрамы, словно после длительного ношения цепей. Чудеса! Сколько она проспала?

Раздался негромкий стук, и в комнату вошла та самая женщина, красивее которой Ивири за свою жизнь не доводилось видеть. Верна Лана принесла ей новое домотканое платье и ужин. Оказывается, Ивири провалялась без чувств почти сутки.

– Я не знаю, как вас отблагодарить, верна, – с жаром сказала девушка, уняв желание тут же наброситься на виноград с сыром и запихнуть себе в рот кусок горячего хрустящего хлеба. Выспрашивать, как это у женщины получилось вылечить ее так скоро, Ивири постеснялась, не желая показаться неблагодарной.

– Лучшая благодарность для меня – твое выздоровление, Ивири, – тепло улыбнулась целительница. – Лечить – мое призвание. Нет большей радости и награды для целителя, чем улыбка здорового и счастливого человека.

– Позвольте мне тогда служить вам, верна Лана! Я могу делать всю грязную и тяжелую работу по дому, буду помогать вам во всем, – неожиданно для себя самой выпалила Ивири и поняла, что будет счастлива, если верна согласится приютить ее. Ведь ей было абсолютно некуда идти. Девушка с надеждой смотрела на свою спасительницу.

Женщина удивленно распахнула прекрасные голубые гла-

за:

– Служить? Дитя, твое предназначение в другом. Утром Дерк поговорит с тобой. Ты почти здорова и готова к большому путешествию, – Ивири показалось, что в улыбке Ланы было немного грусти.

– К путешествию?

– Дерк расскажет тебе обо всем завтра. А пока – отдыхай и набирайся сил, – она погладила ее по щеке и вышла.

Покончив с ужином, Ивири, к своему удивлению, поняла, что вновь ужасно хочет спать, и, едва успев отставить поднос, провалилась в глубокий лечебный сон. Поутру она обнаружила, что дом пуст. Ни верны Ланы, ни Дерка, ни Эйдея не было в комнатах наверху. Ивири постучалась во все три двери, но ответом была тишина. Спустившись по деревянным ступеням, она оказалась посреди просторного помещения. Мягкие кресла, низенький резной столик, а на нем занятные, словно игрушечные, коробочки и шкатулочки, длинные тяжелые кремовые шторы на окнах, большой камин, а на полке над ним – диковинные статуэтки. Был тут и высокий шкаф, полный книг. Ивири никогда еще не доводилось видеть такое красивое убранство в доме. В ее деревне даже самые зажиточные рыбаки жили довольно просто. А все помещение размерами в несколько раз превышало самый большой дом в Киране – Общий дом мантара Руха. Вспомнив ненавистное лицо, Ивири поморщилась. Как смогли Дерк и Эйдей вытащить ее из лап этого животного?

Надо бы их расспросить да поблагодарить, но только ведь они поинтересуются, за что с ней так поступили односельчане. А ну как заподозрят в колдовстве? Нет, на этот раз она будет аккуратнее. Молчать, побольше молчать обо всем и не выделяться. Жизнь преподала ей отличный урок.

Из большой комнаты следовало два выхода: во двор и на кухню. Девушка обрадовалась, увидев знакомую утварь и простой, грубо сколоченный, внушительных размеров обеденный стол. Однако в кухне тоже никого не было. Ивири присела на лавку, раздумывая, не вымыть ли пока грязные глиняные тарелки, сложенные стопкой на углу стола, как вдруг с улицы послышались шаги. На кухню с шумом ввалилась плотная высокая женщина с двумя огромными корзинами, доверху забитыми копчеными окороками, сырными головками и фруктами. За ней в дверной проем практически вполз, согнувшись под грузом необъятной бочки, молодой парнишка. Он с облегчением поставил свою ношу на пол и глубоко вздохнул, опершись о стену.

– Доброго утречка! – громыхнула на всю кухню женщина. Ее седые волосы растрепались, но она вовсе не выглядела старой – лицо раскраснелось, полные губы сочлились алым цветом, живые карие глаза светились жизнью. Она поставила корзины на разделочный стол в углу и, подняв взгляд на Ивири, улыбнулась, демонстрируя ряд крупных белоснежных зубов:

– А вы видно, верна Ивирия?

– Нет-нет, какая же я верна, – смутилась девушка и добавила: – Ивири меня звать, да.

– Ежели так, я – Кара, – ее улыбка стала еще шире. – А это сын мой – Климуш. С дочкой-то, поди, уже познакомились?

Ивири приподняла брови:

– Лана ваша дочь?

Женщина всплеснула руками:

– Что ты! Верна Лана – моя хозяйка! Я за Клину говорю, сподручицу ее. Это дочка моя! – ее глаза светились нескрываемой гордостью.

– А, – улыбнулась Ивири, с теплотой вспомнив девочку, – Конечно! Ваша дочь так помогла мне! Они с верной Ланой спасли мне жизнь!

– Да, она способная девчонка-то, Клинка моя... А ведь ей только десятый годок пошел. А уже столько умеет, может – меня, старую, врачует так, что любой лекарь обзавидуется! Ну, только не хозяйка моя, конечно, – ей до верны Ланы еще расти и расти! Ты, поди, проголодалась?

– Честно говоря, я верну Лану искала или верна Дерка, – Ивири смущенно покраснела. – Просто никого в доме нет. Я проснулась, вышла – тишина, и никого.

– А после завтрака каждый по своим делам отправился, – тепло улыбнулась ей женщина. – Вот к обеду, глядишь, вернутся, – она перевела взгляд на отдыхающего в углу паренька и громыхнула: – Климуш! Ну! Чего расселся-то?! Ступай на конюшню! Поди, до сих пор не прибрано!

Парень нехотя поднялся с пола и вышел из кухни. Под нос он что-то неразборчиво бормотал.

– Вам помочь, матушка Кара? – Ивири с готовностью выскочила из-за длинного стола и схватила стопку тарелок, стоящих на краю. Но Кара, несмотря на видимую тучность, молнией метнулась к девушке, выхватив у нее из рук грязную посуду:

– Вы что, верна Ивири, – забормотала она. – Вы чего удумали! Чтобы гостья госпожи на кухне прибиралась! Чтобы я со стыда померла!

– Да нет, я... – Ивири попыталась вставить слово, но Кара была непреклонна:

– Вы уж простите меня, старую, но не позволю я! Да как же можно?!

Выудив из рук девушки всю посуду и захватив заодно несколько кружек со стола, женщина важно прошествовала в свою маленькую комнатку. Ивири откровенно расстроилась, не в состоянии принять на себя роль «верны».

– Да я всю свою жизнь служила, матушка Кара, – взмолилась она вслед удаляющейся квадратной спине. – Какая из меня верна? Во мне ни капельки благородной крови! Почему за верну приняли?! Разве платье на мне с чужого плеча.

Кара остановилась, оглянулась. В ее карих глазах читалось недоверие.

– Служила, говоришь?

– Да!

– Служка служке – друг и помощник, но ты уж меня пойми: ты – гостья. И не моя, а хозяйки. Приняла б ты помощь от гостьи твоих хозяев?

Ивири грустно покачала головой.

– То-то, – Кара развернулась и скрылась в подсобке, откуда донесся ее бодрый голос. – Да и нечего мне помогать, сама кому надо подсоблю!

– Хотя бы посидеть с вами можно? Не помешаю?

– Да мне только в радость компания, – из комнатухи донесся грохот посуды. – А то дети заняты с утра до вечера. Но я не жалуясь, все при деле, на свой хлеб уже сами зарабатывают. Соседские служки, знаешь, обзавидовались.

Ивири, облокотившись локтями о столешницу, подперла щеки руками.

– А ты откуда, дочка? – женщина вышла из подсобки, вытирая мокрые руки о передник.

– Я выросла в предгорье Ашрум.

– Отец, мать – есть кто?

Ивири грустно покачала головой.

– Братья может?

– Не знаю. Может, и есть где-то. Меня в горах нашли еще маленькой. Я не помню ничего.

– А кто ж так покалечил-то тебя? – матушка Кара сочувственно глядела на девушку.

Ивири покачала головой.

– Не помню я ничего.

Хоть и нравится ей эта женщина и этот дом, но не станет она рассказывать, слишком опасно подозрение в ведьмовстве. А ну как ее опять за ведьму примут и местного мантара вызовут? Ивири содрогнулась от нахлынувших воспоминаний. А помнила она многое, вплоть до того момента, пока не потеряла сознание. Налитые кровью сумасшедшие глаза Роуха, наконец-то получившего желаемое – ведьму, – этот взгляд останется в ее памяти на всю жизнь.

– Ну, а лет тебе сколько?

– Не так давно семнадцать исполнилось.

– Совсем девчонка еще, – Кара хмуро покачала головой. – Будь аккуратнее, дочка. Ты девка больно красивая вышла. Как бы беда не случилась. Нельзя тебе одной...

– Да что вы, матушка Кара! Какая я красивая?! – Ивири засмеялась. – Это вон верна Лана красивая, дочка ваша, Клина, хоть и девочка еще – а такая красавица! А мне-то куда до них? С рыжими космами?

Пухлые губы женщины расплылись в улыбке:

– Ну, Клина моя еще ребенок, поди, где там разглядеть. Да и за ней есть кому присмотреть: я еще свое поживу и брат старший всегда рядом. А вот ты о себе невысокой мысли, я погляжу. О таких волосах песни слагать будут. Ну да ладно, жизнь все на свои места расставит. Плохо только, что ты одна совсем, словно маковка на ветру. Зацветешь ярким цветом, того и гляди, кто, походя, сорвет.

Ивири мысленно махнула рукой. Негоже девчонке с жен-

щиной в летах спорить. Внезапно резко потянуло запахом свежей рыбы и теплым парным молоком. Желудок сковал голод. В дверной проем просунулась крупная рыжая голова с зелеными стеклянными глазами. Ивири сглотнула. Чужой животный голод вызвал в ней панику, тошнота подкатила к горлу. Она зажала двумя руками рот, зажмурилась и вско-чила. Что-то с грохотом полетело на пол.

– А ну, пшел отсюда! Сгинь!

Дверь захлопнулась и все прошло. Ивири открыла глаза. Кота и след простыл, а на его месте у закрытой двери возвышалась тетушка Кара, испуганно разглядывая девушку.

– Ну как? Пришла в себя? Может, водички попьешь или умоешься? Ты ж, поди, не завтракала? – всплеснула руками тетушка. И через мгновение на столе появился кувшин с молоком и огромный кусок свежеиспеченного хлеба с сыром и рубленными вареными яйцами.

Ивири осторожно сделала вдох. Тошнота отступила. Она с облегчением обнаружила, что упала, но не разбилась глиняная чашка. А Кара уже совала под нос такую же чашку, полную прохладной воды. Ивири выпила залпом половину.

– Ты прости меня, дочка, это я, дура старая, виновата – с утра кота не покормила, вот он и явился. Все кормлены, он один голодный. Я его утром обыскалась, не нашла разбойника – таскался где-то, а молоко, решила, поставлю во дворе. И вот заболталась с тобой – совсем из головы вылетело... А ведь хозяйка мне строго-настрого приказала всех по-

кормить и запереть... А я и пропустила его, негодника... Ты прости меня, дочка. Я ведь так и поняла, что нельзя тебе к скотине... Вижу теперь сама, что нельзя.

– Нельзя? Так верна Лана сказала? – Ивири нахмурилась. Ей нельзя общаться с животными?

Матушка Кара на мгновение вытаращила глаза, но, видимо, вспомнив или подумав о чем-то, сразу взяла себя в руки и покачала головой. Присев на лавку напротив Ивири, она понизила голос:

– Ох, дочка. Видишь, как оно. Чего только не бывает в жизни. Господа Дерк, Эйдей... ах, сколько их еще таких было тут. Теперь и ты. Вот и Клина моя... тоже такая ж... *одаренная*, – последнее слово она прошипела, а глаза вновь округлились, как два блюдца. – Только у нее дар, как я погляжу на других, больно удачливый – людей врачевать. К верне Лане вон со всего Рукрина народ идет, всех лечит, много лет уж как. Уважают ее очень. Сколько людей от смерти спасла, детей уберегла! А она мою Клину выбрала себе в ученицы, да и меня, старую, с сыном приютила – чтобы дочку-то мою учить. Способная, говорит, очень. Ну-ну. Я-то и сама всегда замечала, что не такая девчонка-то, странная. Все боялась, что подземники загребут, все ж ведьмовской дар. Да и сейчас боюсь. Страшно, ага... А таким, как ты, – еще страшнее. Целителей-то никогда особо не трогали, а ты, бедная...

Качая седой головой, женщина понуро пошла к корзине. У Ивири брови поползли на лоб от всего услышанного, и од-

новременно забурчало в животе от голода. Что такое болтает Кара? Какие-такие «одаренные»? Почему ей должно быть страшнее? И что с ней самой произошло, когда на кухню влез кот? Она всегда любила животных, чувствовала их, что ли, — они просто были ей понятны, их желанья, намерения. Она знала, когда пес зол, лошадь устала, а свинья довольна и сыта. Этот кот был голоден. Однако ее впервые настолько захватила острота ощущений. Она словно сама на миг превратилась в голодного до смерти кота. Вторая странная встреча с животным за последнее время. А с медведем-то было по-другому. Да он и сам был другой, словно и не животное вообще, а человек в звериной шкуре.

Пронзительный визг с улицы заставил ее забыть обо всем. Следом что-то грохнуло и враз полетели вдребезги все стекла на кухне. От испуга она упала под стол и заползла под лавку. Снаружи засвистели, какие-то мужчины громко ругались, но их тут же прервал властный женский голос. Верна Лана! Чистый голос оборвался, женщина закричала. От этого крика волосы на голове у Ивири стали дыбом. Девушка лихорадочно оглянулась и увидела белое лицо матушки Кары, машущей ей из-за огромной бочки в углу. Девушка быстро поползла к ней на четвереньках.

– Сюда! Сюда! Вот нора, под бочкой! Лезь и сиди там тихо! Быстрее!

Ивири не успела понять, каким образом она втиснулась в узкую земляную яму, вырытую под половицами. Через се-

кунду над ней опустились деревянные доски и сверху с тяжелым стуком что-то упало, закрыв оставшиеся щелки света. Бочка. Девушка очутилась в крошечной темноте. Над головой раздался приглушенный крик. Матушка Кара! Ивири дернулась, попытавшись поднять крышку и сбросить бочку с половицами, но это было ей не под силу. Что там происходит?! А вдруг она могла бы помочь! Зачем только послушалась и полезла сюда, ведь если это грабители, каждая пара рук на счету! Ужас какой, среди бела дня!

Ивири принялась толкать ногами и руками половицы, но тяжелая бочка стояла крепко и не поддавалась. Она прислушалась. Грохот и крики едва доносились до нее, затем все стихло на какое-то время, а потом девушка уловила легкий запах дыма. Пожар?! Она задохнется тут либо сгорит заживо! Девушка что было сил лягнула упрямые половицы над головой. Никакого результата. Если уж ей суждено умереть, так лучше мгновенной смертью от ножа, чем мучительной и долгой в этой могиле. От страха и дыма в голове помутнело, она вся вспотела. Ей кажется или она уже чувствует жар кожей?! В этот самый миг половицы над ее головой вдруг разлетелись в щепки, а в лицо хлынула красная жидкость. Вино. Ивири удивленно моргала, вытираясь и кашляя. Сквозь пелену дыма она разглядела над своей головой три огромные фигуры в сверкающих доспехах.

– Тень небес, бочка взорвалась!

– Ведьма!

– Тащи ее отсюда и уходим, если не хотите поджариться!

Огромная ручища схватила ее за запястье и одним махом вытащила из ямы, словно котенка. Все вокруг дымилось и горело. Они вылезли через кухонное окно во двор и отбежали на десяток шагов от полыхающего дома. Здоровяк бросил девушку на землю. Ивири, приземлившись, зашла в приступе удушающего кашля, растирая по лицу слезы и потеки вина. Вдоль всего забора вокруг дома стояли мужчины в таких же доспехах, как и у тех, кто вытащил ее. Их шлемы с поднятыми забралами были ярко-алого цвета. За ними на приличном расстоянии собралась толпа зевак.

Кроме треска пламени, охватившего дом целительницы Ланы, по всей округе не было слышно больше ни единого звука. Дом стоял на окраине города, вдали от остальных. Подул северный ветер, выворачивая пламя в благоприятном для города направлении, унося вдаль от городских крыш дым и копоть. Дом горел, время шло, но никто не двигался, не произносил ни слова, словно заколдованные. Лишь только глазам девушки вернулось нормальное зрение, открылась жуткая картина. Обуглившееся тучное тело, лежащее на пороге, принадлежало матушке Каре. Черные обрубки рук замерли навеки в желании дотянуться до своего сына. В нескольких метрах от нее лежал паренек Климуш с перерезанным горлом. Огонь еще не успел добраться до него.

Ивири в ужасе закрыла рот рукой. Подул холодный, пронизывающий до костей ветер и вместе с ним навалива-

лась огромная усталость, кружилась голова. Нужно бежать, немедленно скрыться от этого чужого ледяного дыхания, только ноги не слушались. С трудом подняв голову, она оглянулась на толпу. В нескольких шагах от нее рядом со стражниками стоял бритоголовый мужчина в алой рясе. Его ледяные глаза пристально смотрели на девушку и источали жуткий холод.

Глава 3

Клина в свои девять лет уже очень хорошо умела разбираться в людях и знала, что Дерк – нехороший человек. Ее любимая Лана плачет всякий раз, когда он уезжает, а потом несколько дней не может восстановиться, наполниться энергией. «Горе иссушивает ее. Горе и разлука с любимым», – говорит Ма, а Ма тоже очень любит Лану.

«Это плохой любимый. Когда у меня будет любимый, он не станет меня бросать и заставлять плакать». Клина максимально сосредоточилась, над слегка вздернутой верхней губой выступили бисеринки пота. Она сидела в высокой траве абсолютно спокойно, не переживая, что расположившиеся неподалеку Лана и Дерк заметят ее – она умеет притаиться. Сколько раз она ловила их парочку – свою обожаемую Лану в объятиях Дерка – и оставалась невидимой для них.

Дерк был такой же, как Лана, как она сама. Лана уже объяснила ей то, что они отличаются от обычных людей, от таких, как Ма и ее брат Климуш. Они были «сверхчувствительные», «одаренные». Могли видеть и чувствовать чужую боль, например.

Почти все свое детство, сколько она себя помнила, девочка проводила время с Ланой. Она любила Ма, но ей было невыносимо скучно торчать среди сковородок и кастрюль, ее не интересовало противное, липкое, непослушное тесто

и редкие разговоры молчаливого Климуша с матерью у плиты. У Ланы же творилось настоящее волшебство. Она научила Клину фокусам, от которых маленькая девочка испытывала блаженство.

Как-то раз, много лет назад, она вбежала к Лане на сияющий чистотой чердак. Лана называла эту комнату своим «кабинетом». Туда приносили больных людей. Клина тихонько садилась в углу и смотрела. В тот раз больным был мальчик, примерно ее возраста, лет пяти. Он не кричал, не плакал, посетители у Ланы вообще редко плакали, несмотря на то что им, должно быть, было очень больно. Этот мальчик часто дышал, а кожа его была белой, как зимний снег. Одна нога была замотана в тряпье и казалась намного больше другой. Они встретились глазами. Даже на расстоянии Клина чувствовала – ему жарко. Лана заметила, куда смотрит мальчик, и поманила девочку к себе.

– Это Тод, ему больно. Ты хочешь помочь?

Клипа очень хотела помочь.

– Я научу тебя. Встань рядом с его головой. Вот так. А теперь положи ручки на его лоб. Так. Ему очень приятно, потому что твои ладошки прохладные, а у него жар. Температура его тела очень высокая – так бывает, когда люди болеют. Держи ладошки на его голове, а я займусь ногой. Хорошо?

Клипа еще раз кивнула. Она была счастлива. На всю жизнь она запомнила то несравненное чувство, когда ее ладони тушили пламя в голове маленького Тода. Она почув-

ствовала его расслабление, увидела, как он закрыл блестящие глаза и блаженно улыбнулся.

С того дня Клина присутствовала на приеме каждого, даже если его привозили посреди ночи. Девочка могла спать крепким сном до обеда, не слыша криков петухов и разговоров матери, но, если в дом вносили больного, невиданная внутренняя сила будила ее. Она чувала их, ощущая чужие страдания, не как собственные, но как грозу – словно воздух вдруг становился тяжелым и густым, и именно в ее силах было вызвать спасительный дождь. Жадно наблюдая за Ланой, она всякий раз ждала того момента, когда ей разрешат приблизиться и тоже помочь. Лана попутно всегда объясняла ей что-то, направляла, помогала. Со временем она стала яснее видеть, что именно делает Лана с больными – она *закрашивала* плохие цвета.

Все цвета на людях Клина делила на хорошие и плохие. Хорошими были чистые, яркие: розовый, голубой, синий, белый, золотой, зеленый. Они светились и переливались изнутри. К Лане приходили люди с пятнами – грязными, темными пятнами, которые появились на хороших цветах, словно смешивая краски с грязью. Цвета этих пятен Клина считала своими личными врагами: серый, кроваво-красный, болотно-зеленый, грязно-желтый, коричневый.

Клина заметила, что сама Лана, а еще сильнее ее руки светились золотисто-белым цветом во время исцеления. Водя рукой по грязным пятнам на теле человека, Лана словно раз-

бавляла и затягивала их своей яркой краской.

– Мои ручки тоже золотистые, Лана. Я тоже могу, – говорила Клина, протягивая Лане свои мерцающие светом ладошки, и та мягко улыбалась ей.

– Можешь, малышка. Ты многое можешь.

Клинка никогда не отводила взгляда от открытых ран, потому что они не казались ей страшными, не смущал ее и порой довольно резкий неприятный запах. Все это было словно нарисовано и не столь важно, настоящими же ее врагами стали пятна плохих цветов.

– Это человеческая аура. Когда человек болеет, она окрашивается по-другому в местах хвори.

– Да, я тоже хочу попробовать ее закрасить, как ты.

– Давай, милая, пробуй.

И у нее получалось. С каждым разом все лучше и лучше. Словно она была волшебницей, самой счастливой в мире волшебницей.

Дерк тоже был одаренный, но по-другому. Лана сказала как-то раз, что он может создавать заклинания, а боль ему видеть не дано.

Быть может, поэтому он не замечал, как Лана страдает из-за него? Клинка как-то раз даже собиралась объяснить ему, но не хватило смелости. Этот высокий мужчина, казалось, никого не видел вокруг, часто задумчивый, молчаливый, обращал внимание только на Лану. Да и ту, с обидой подумала Клинка, получается, не видел, раз боли ее не замечал. А Лана

глаз с него не сводила. Когда Дерк приезжал, все порхала вокруг, сверкая своими золотыми локонами. Часто они вдвоем уходили шептаться в сад. Или поднимались в комнату к Лане, и Клина потом глаз не могла сомкнуть, слыша их стоны наверху.

Он приезжал к ним несколько раз в год, проводил одну-две ночи в доме и уезжал. Иногда приезжал с одаренными людьми, вот и в этот раз привез израненную девушку. Часто приезжал с Эйдеем. Веселый, добродушный Эйдей был полной противоположностью Дерку. Здоровенный, он мог так высоко подбросить Клину к небу, что ей казалось – она вот-вот взлетит. Они болтали обо всем, у Эйдея всегда было много веселых историй. Он рассказывал ей о месте, где вырос, – Родарии. О башнях, где обучали таких же одаренных, как она. Но ей, приговаривал Эйдей, повезло, что у нее есть Лана. Лана лучше обучит ее, чем вачаны Башен – так звали учителей в Родарии. Клина слушала с открытым ртом об океане Аитейне, о непроходимом Покаянном лесе. Хотелось ли ей туда? Может быть, когда-нибудь. Но пока все, что она любила, – было с ней. Она была так счастлива заботиться о больных вместе с Ланой, что большего ей не нужно было. Если уж и отправляться куда, то только с Ланой, и с Ма, и Климуша с собой прихватить, чего уж там. Хоть он нудный и угрюмый всегда.

Верн Дерк никогда ей ничего такого не рассказывал, он вообще крайне редко говорил с ней. Как можно любить тако-

го человека? Хотя с Ланой он был вроде бы другим, смотрел на нее так... Словно хотел обнять взглядом. Девочка призадумалась. Все же нет, даже если они и любят друг друга, это какая-то неправильная любовь, раз она столько боли приносит Лане. Любовь должна приносить радость и деток, так ее учили. А их любовь приносит только слезы ее учительнице. Сколько раз Клина слышала ее всхлипы за закрытой дверью. Бывало, Лана не выходила из своей комнаты неделями и почти ничего не ела, когда верн Дерк уезжал. Ма только головой качала и вздыхала, а Клина не решалась постучаться.

Только в прошлый раз, ранней весной, Дерк вновь приехал на ночь и тут же уехал, а Лана после этого сильно заболела. Она уже не закрывалась у себя, просто лежала на кровати и почти не вставала. Большую часть времени спала, а над ней – Клина вошла в комнату и с ужасом увидела – появился противный, странный темно-зеленый свет. Не над самим телом, как бывает с другими больными, а выше, словно легкий туман парил над головой и грудью. Девочка осторожно попробовала разогнать его своими ручками, но ничего не произошло – туман не слушался ее. Она тогда очень испугалась, только ничего не сказала Ма. А что она могла сказать? Та все равно ничем не поможет. Клина с утра до вечера проводила у кровати Ланы, читала ей, пела. Лана, казалось, ее не слышала. Если не спала, лежала с открытыми глазами и смотрела в окно. Часто по бледному лицу текли слезы. Прошло неизвестно сколько недель, и Клина уже совсем отчаялась.

Ма только головой качала и твердила про «разлуку» и «любовную тоску». А потом принесли мужчину, который упал с лошади и повредил позвоночник. И Лана вдруг встала, едва его в дом внесли. Уж Клина чуть с ума не сошла от радости. Плохой темно-зеленый туман потихоньку рассеялся. Едва Лана приступила к делу, как вновь засветилась золоти-сто-белым, хоть и не таким ярким, как раньше.

Вот тогда-то Клина и решилась. Дерк недостоин ее любимой, самой прекрасной на свете Ланы. Он заставляет ее страдать, и так ужасно, страшно болеть, а значит, она сделает все возможное, чтобы он больше не смог ее расстроить. Пройдет время, и Лана забудет его, она будет счастлива с ней, с Ма, с больными. Вылечится, как в этот раз, только теперь навсегда.

– Ты больше к нам не придёшь. Никогда, – она уже не в первый раз входила в транс, повторяя одни и те же слова, но сегодня подготовилась основательно. На коленях у девочки лежал небольшой исписанный клочок бумаги, абсолютно ей не нужный – за последние десять минут Клина успела выучить наизусть необходимые ей незамысловатые строчки.

– Ты больше к нам не придешь. Никогда. Ты больше не увидишь Лану. Ты никогда ее не расстроишь.

Спустя несколько минут она перестала узнавать и слышать собственный голос, мысли покинули маленькую головку. Разговаривать с Вселенной Лана научила ее совсем недавно. Клина была в восторге от ощущения солнечного

тепла, наполняющего каждую частичку ее тела. Лана объяснила ей, что медитация – самый лучший способ восстановить силы, а еще это возможность исполнения желаний. Вот последнее как раз заинтересовало Клину больше всего. Она принялась каждое утро усердно тренироваться в медитации, желая заполучить золотистые волосы, как у Ланы. Только все ее попытки всегда заканчивались одинаково, как и в этот раз.

Внутри развернулась удивительно огромная пустота, а несмолкаемый голос шумел льющейся водопадом водой. Еще мгновение, и все озарилось ярким белым светом, сквозь тело хлынул благостный сладкий поток.

Клина не помнила, что случилось потом. Прекрасная, неповторимая вспышка счастья, за которой меркнет весь мир, все желания. И вот она уже проснулась на теплой земле. Верна Лана и противный Дерк исчезли. Ну вот. Она опять все проспала и не сумела «запустить» свое желание. Как всегда. Клина встала, стряхнула с платица колоски и прилипшие соринки. Она пришла сюда сразу после завтрака, а сейчас солнце клонилось в сторону горизонта. Нужно спешить домой, а то Ма заругает. Девочка бросилась бежать по огромному полю, вдыхая свежий воздух. Высокая, выгоревшая под безжалостным летним солнцем, трава устало клонилась к земле. Август почти закончился.

Клина увидела дым и почувствовала его горьких запах одновременно. Черный столб тянулся от земли к синему небу. Горел ее дом на окраине города. Девочка ахнула и что было

сил припустила вперед. Добежав до самого дома, она влетела в толпу соседей и остановилась. То, что она увидела, было слишком, слишком! Из самого ее нутра вырвался чужой надрывный звук – словно крик умирающей птицы. Чьи-то руки рядом зажали ей рот, обняли и с силой вжали лицом в платье, пахнущее рыбой и чесноком.

Глава 4

Вновь и вновь они спускались по каменным ступеням, переходили из одного зала в другой. Бесконечным переходам не было конца. Ее босые ступни сбились о неровные камни и кровоточили. Скучный свет одного-единственного факела в руке стража отражал их причудливые тени на стенах. Ивири оступилась и упала, больно ударившись коленями и разорвав платье.

– Встать! – прорычал страж позади нее, и девушка ощутила острую сталь меча у себя между лопаток.

– Не ори и убери меч! – скомандовал второй, который шел впереди с факелом. Он наклонился и подал ей руку. – Вы не ушиблись?

Ивири поднялась, опираясь на его руку, отрицательно мотнула головой. Страж внимательно посмотрел на нее, отвернулся и продолжил ход. Оба стража были обычными людьми, в отличие от того лысого в алой мантии, который остался наверху. С ним явно было что-то не то. Ивири вспомнила его холодный взгляд, сковавший ее тело у дома Ланы. Но разве может взгляд обездвигнуть? Выходит, что может. Она голову даст на отсечение, что он обладал какими-то жуткими способностями. Всего лишь просто смотрел на нее, а Ивири не в силах была ступить и шагу, чтобы убежать. И еще – безумный страх завладел каждой клеточкой ее

тела, от ужаса колени подкашивались. Стражники просто перекинули ее через круп лошади и повезли в неизвестном направлении, а она не только пошевелиться – ни единого звука издать не могла. Лысый в алой мантии ехал следом, она чувствовала его присутствие. Наконец они остановились у высоких ворот из черного металла. Им немедленно отворили.

– Не калечить! – прохрипел лысый, развернулся и направил коня прочь.

С его уходом почти сразу девушке стало легче. Она смогла приподнять голову и увидела, что они въехали во внутренний двор. Вокруг сновали люди в доспехах. Лошадь, на которую ее забросили, остановилась у дверей дома. Всадник спешил и, рывком стянув девушку, поставил ее на ноги. От резкого поворота в голове все поплыло, и она едва не упала. В то же мгновение дверь открылась и ее втокнули внутрь.

Едва она переступила порог, шагнув в каменную темень, как страх и бессилие вернулись. Ивири взглянула на стражей – нет же, обычные мужчины, высокие, в блестящих доспехах. Казалось, влажные стены из черного грубо обтесанного камня сами источали этот вязкий холод. Они не спеша спускались вниз по ступеням. Нарастающий страх перешел в панику.

– Куда вы ведете меня? – Ивири попыталась обернуться, но стражник в ответ толкнул ее в спину. Ивири едва удержала равновесие, чтобы не упасть на впереди идущего стража.

За что ее схватили? Что же она такого сделала? «Ведьма! Тащи ее отсюда и уходим, если не хотите поджариться!» – так крикнул страж в доме Ланы. Ивири содрогнулась. Обвинение в ведьмовстве. Вновь! И ведут ее к подземникам! Ужас пробрал до костей, внезапно стало тяжело дышать. Ивири хватала ртом воздух. Быть может, кинуться на стража, пусть убьют ее на месте, лишь бы не пытали! В этот момент ее конвой остановился перед тремя совершенно одинаковыми деревянными дверями. Девушку подвели к левой двери и остановились. Тот, который шел впереди, установил на подставку в стене свой факел и постучал. Послышался шорох, железный лязг, и дверь со скрипом отворилась. Шагнув внутрь, Ивири от удивления на миг забыла об испытываемом ужасе.

Они попали в большое каменное помещение с высоким потолком. У Ивири зарябило в глазах – повсюду, словно муравьи, сновали люди в длинных коричневых рясах (совсем как у мантара Роуха!) – среди которых попадались и бритоголовые в длинных алых плащах. Эти люди входили и выходили из зала через десятки тоннелей и переходов.словно городская подземная площадь! Стражи слегка подтолкнули ее в спину, и они пошли сквозь толпу. Ивири ловила на себе жадные взгляды. Это все мантары! Они доносят подземникам обо всем, что касается ведьм в Варроке. Быть может, эти, в красных одеждах, и есть подземники...

– Стойте!

Бритоголовый мужчина в алом плаще шел к ним сквозь

толпу, и прохожие расступались у него на пути, слегка склоняя головы. Он подошел к ним вплотную. Ивири съежилась от ужаса под сверлящим взглядом черных, как ночь, глаз. Холод, холод. Уже знакомый холод вполз в душу. Оба стража склонились, а идущий впереди сказал:

– Капитан, по вашему распоряжению в доме ведьмы обыскали все и выявили еще одну.

Ивири забыла, как дышать.

– Я вижу, – его густые угольные брови и борода странно контрастировали с блестящей обритой головой, – Следуйте за мной.

Он пошел впереди, и теперь уже абсолютно все тарачились на Ивири. Свернув в один из переходов, они оказались в зале поменьше, но также наполненном людьми. Потом они свернули еще раз и еще. Она никогда не сможет выйти из этого лабиринта в одиночку. Впереди замаячили двери, по размеру превышающие остальные, которые раскрылись сами собой, едва к ним приблизилась четверка. Они прошли внутрь, и Ивири, не успев оглядеться, внезапно поняла, что теряет сознание – словно кто-то принялся огромными порциями выкачивать из нее воздух, свет, жизнь. Она споткнулась, упала на землю и застонала.

– Что, ведьма, тошно стало? – вдруг зло спросил капитан и пнул ее сапогом в ребра. От удара дыхание резко перехватило, девушка скрутилась клубком, не в силах подняться.

– Тут тебе нет силы, – он грязно выругался и сплюнул ей

на спину.

Липкий ужас, оставшийся на жертвенном камне в маленькой приморской деревне, овладел разумом.

– Убейте! – прохрипела девушка.

– Капитан... – попытался было что-то сказать сопровождающий ее стражник, но тот перебил его:

– Свободны!

Бритоголовый капитан схватил Ивири за волосы и поволок по каменному полу. Она завывала от боли и страха, пыталась встать, но ноги не слушались.

– О смерти просишь? Правильно, сучка, ты у меня еще не так просить будешь!

Вдруг он резко ее отпустил, пнул сапогом, и она отлетела к стене, ударившись головой о камень.

– Погрейся, ведьма. Я еще вернусь.

Грохот закрытой двери, шум железных засовов. Ивири дрожала, боясь пошевелиться. Кромешная темнота вокруг, холодный, влажный камень. Наверное, она ненадолго потеряла сознание, потому что, когда пришла в себя, не сразу поняла, где находится. Ее глаза, постепенно привыкшие к темноте, смогли различить едва видимый отблеск коридорного факела, проскальзывающий сквозь решетку под потолком. Пошарив руками, она наткнулась на воду – это была небольшая лужица. Девушке страшно захотелось пить, не раздумывая, Ивири припала губами к этой лужице. Вода была ледяная. Она умыла лицо и расплакалась.

– Не плачь, милая, не теряй сил зря, – неожиданно совсем рядом прозвучал женский голос.

Ивири подпрыгнула от испуга.

– Какой толк их беречь, Тия, – усталый мужской голос, на этот раз – с другой стороны.

Ивири подняла голову и почувствовала, как по лицу стекает теплая струйка. Кровь? Наверное, ударилась головой.

– Кто здесь? – Голос так дрожал, что ее едва можно было понять.

– Никто, девочка. Здесь уже давно никого нет, – тот же мужской голос.

Было ощущение, что обладатель голоса совсем рядом. Ивири попыталась встать, но не смогла, ударившись об потолок. Каким низким он был! Она села.

– Кто это говорит?

– Не слушай Мигорта, милая, мы тут, в соседних камерах.

– Это т-тюрьма? – от страха и холода ее начала бить крупная дрожь.

Глупый вопрос. Глаза уже совсем привыкли к темноте. Ее камера была квадратной. Она расставила руки и смогла без труда упереться в соседние стены. Ни встать, ни лечь в полный рост тут невозможно. *«Их держат в гробах под землей»*. Да, так говорили рыбаки у вечерних костров, рассказывая о ведьмах, которые попадали в руки подземникам. Великий Правитель завершил Ведьмин Век, изгнав ведьм из Варрока. Он создал особую армию – подземников. Они вылавли-

вали ведьм в городах и заточали их в подземельях, чтобы те не приносили добрым людям вреда. В мелких поселениях на службе у подземников были мантары. «Тебе повезло, что я не отдам тебя подземникам, дочка! Я сам выгоню из тебя дух зла! Ты мне еще спасибо скажешь! От подземников живыми не возвращаются!» – визжащий голос мантара, казалось, звучал в этой пещере. Ивири обняла себя руками, глубоко задышала, не давая панике власти.

– Это не тюрьма, а склеп, в котором хоронят заживо, – вновь прошелестел мужчина.

По верху всей стены шла железная решетка, и девушка взгляделась в неясные очертания. За толстыми решетками с обеих сторон маячили еле видимые в темноте головы.

– В рот мне уши! От твоей болтовни только хуже, Мигорт, и *они* это знают. Ты играешь им на руку, – в голосе женщины звенела сталь. – Ты можешь сдаться, сломаться, я не осуждаю... Если не чувствуешь больше в себе сил противостоять, проваливай отсюда. Служи своему новому хозяину. Но не разливай тут свой липкий страх и уныние, Наррака тебя побори!

– За что вас тут держат? – спросила Ивири.

Мужчина хмыкнул, но промолчал. Ответила женщина:

– За нашу силу, девочка. Как тебя зовут?

– Ивири.

– Я Тия. Сколько тебе лет?

– Семнадцать.

– Молоденькая еще. Давно ты проявилась?

– Я... что?

– Давно ли ты проявилась?

– Я не понимаю...

Послышался шорох. Ивири почувствовала, как что-то едва осязаемое, теплое скользнуло по ее волосам, и вздрогнула.

– Силы небесные! – приглушенно воскликнула Тия. – Какой у тебя дар, милая?

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – она отодвинулась от решетки, насколько позволяли размеры клетки. Опять эти разговоры о каком-то даре. Она не ведьма!

– Что значит, ты не понимаешь?

– Она не понимает, Тия. Ее никто *не проявил*.

Ивири оглянулась. Рядом с ней за решеткой виднелось темное очертание головы мужчины – Мигорта. Женщина в соседней камере ахнула и замолчала.

– Проклятые вачаны! – воскликнул он.

– Не кляни их, Мигорт.

– Как могли проклятые вачаны проворонить явлинку?!

– Может быть... какой-то сбой... – в голосе ТиИ послышалась мольба.

– Не обманывай себя, женщина! Это дурной знак.

– Что бы ни случилось, не кляни их, Мигорт! У тебя помутился разум.

– А вы... ведьмы? – Ивири сглотнула.

Она не могла не задать этот вопрос. Мужчина опять хмык-

нул. Черты его лица были не различимы во мраке.

– Ведьмы. Только, скорее всего, не те, о которых тебе рассказывали няньки. Ты откуда сама будешь?

– Из Кирана. Это деревня в предгорье Ашрум.

– Ну и как же попала сюда?

Ивири замешкалась. Как так вышло, что она здесь очутилась? За что?! Что она совершила? Ни единому человеку не причинила зла за всю свою жизнь и вот...

– Не доверяешь – не говори, – ей показалось, он ухмыльнулся, не так истолковав ее молчание.

Ивири испугалась в этой гробнице потерять собеседника. Женщина тоже молчала.

– Я выросла в Киране, – торопливо повторила она. – Это маленький поселок на берегу Удайского моря. Я никогда никому не делала зла. Как-то раз в деревню пришел медведь... Рыбаки хотели убить его, а я... У меня получилось отвести его от деревни. Он ушел и никого не тронул. Я думаю, он и не опасен был, люди просто испугались, а если бы не испугались, увидели бы, что он добрый. Но все решили, что я ведьма, раз медведь послушался меня и ушел. Меня схватили... Мантар решил изгнать из моего тела злые силы. Я почти умерла. Но меня чудом спасли. Два странника. Они привезли меня в Рукрин к целительнице Лане, она меня вылечила, а через несколько дней – сегодня – пришли стражи, спалили ее дом, убили всех, а меня привели сюда, – она замолчала, выдохнув.

– Лана... убита? – сдавленный голос женщины.

– Я не знаю, я видела убитыми ее слуг, но верну Лану – нет, – быстро ответила Ивири, – Я очень надеюсь, что ей удалось спастись! Вы ее знаете?

– Ох, милая Лана! – Женщина заплакала.

– Это ее кузина, – прохрипел Мигорт.

Ивири потрясенно замолчала.

– Я потеряла с ней связь сегодня утром, – сквозь рыдания донесся голос Тиы, – Подумала, может... это я... до конца ослабела. Скажи, – женщина за решеткой зашевелилась и Ивири увидела, как толстые прутья решетки обняли белые худые пальцы, – Скажи мне! Там была девочка, маленькая Клина, что с ней?

– Клину я не видела утром, – Ивири покачала головой, – Я видела только тетюшку Кару и ее сына Климуша. Мертвыми...

Послышались глухие всхлипы. Пальцы исчезли с решетки.

– Они начали брать целителей, – тихо сказал Мигорт.

– Но за что они так поступили с верной Ланой? – спросила Ивири. – Она же столько людей лечила! Тетюшка Кара говорила, что к ней со всего Рукрина ходили.

– Лана была сильным медиумом, таким же, как когда-то был я, твоя соседка Тия, остальные наши невольные соседи. И ты могла стать такой же, девочка, но не успеешь, видимо. У всех нас была внутренняя сила, все мы были одарены при-

родой. Правителю не нужны сильные медиумы. Но от нашей силы он не откажется, – слышался сухой смешок.

– М-медиумы, они что, делают что-то плохое?

– Медиумы – пусть и необычные, но люди, и вольны делать выбор между добром и злом. И все эти пытки, эта тюрьма – чтобы подтолкнуть нас сменить сделанный однажды выбор. Если бы ты задала мне этот вопрос год назад, я без колебаний ответил бы, что служу свету.

Он говорил загадками, Ивири не поняла ответа, но в ее голове возникло очень много других, более важных вопросов.

– Тут сидит много людей?

– Много – не много, я не считал. Сколько из них *людей*, а сколько рабов...

– Рабов?

– Мы быстро теряем свою силу в подземельях. Нас запугивают, ломают, пытаются неволей. И несчастные становятся рабами, потому что счастье любит свободу.

– Я не понимаю...

– Позже поймешь, – Мигорт хрипло закашлялся.

Ивири задумалась.

– Рабами? То есть мы должны будем служить кому-то?

– Да, – вновь смешок, – служить бездумно и безупречно, Ивири, не как нанятые служки, а как пожизненные рабы. Эти подземелья рассчитаны на то, чтобы ломать людей и забирать силу медиумов. В стены подземелья замка Уорк вплетены черные заклинания его древних строителей. Ты меди-

ум, а потому чувствуешь это – страх и бессилие. Рано или поздно медиумы сдаются и соглашаются добровольно отдать свой дар в обмен на жизнь раба. Те же, кто стоит до конца, лишаются всего – силы, дара, разума. Уорк сжирает их.

– Мы в подземельях Уорка? Это замок, в котором живут Верховные Правители Варрока?

– Он самый.

– Отсюда нельзя сбежать?

– Я не слышал, чтобы кому-то удавалось, – вздохнул Мигорт.

Ивири прикусила губу:

– Вы говорите, что я тоже... этот... медиум. То есть ведьма? Так ведь в народе говорят? Тогда почему я не могу лечить или колдовать? Почему вы и эти лысые пещерники видите, что я ведьма, а я – нет? Я же ничего не умею!

Резкий смех Мигорта напоминал хриплый лай собаки. Ивири от неожиданности вздрогнула.

– Столько лет отказываться от службы Башням, чтобы на закате жизни в гробнице просвещать явлинку!

Снаружи в коридоре послышался шум. Мигорт замолк, затихли всхлипы Ти. Ивири вжалась в противоположную от входа стенку своей клетки. Света стало чуть больше. Мимо, тяжело ступая, прошли огромные ножищи в тяжелых кожаных сапогах. Звук отпираемой по соседству камеры. Ивири успела заметить мелькнувшие худые ноги, грязное тряпье. Она хотела подползти ближе к решетке, но в этот мо-

мент тяжелая железная дубина с силой ударила по прутьям, и она отшатнулась. Звонкий лязг загудел по подземелью.

– Лежать, вшивые животные!

Ее охватила дрожь, и девушка забилась в угол. Изредка откуда-то доносились приглушенные крики, и каждый раз Ивири вздрагивала от этих звуков. Несколько раз она пробовала заговорить с Тией, но женщина не отвечала, и Ивири оставила свои попытки. Она чувствовала себя виноватой перед ней. Вдруг Лану схватили из-за нее – из-за того, что та помогла Ивири? Если она действительно ведьма, в ней должно быть что-то плохое, а верна Лана приютила ее у себя, не выдав пещерникам. Неизвестно, сколько прошло времени, быть может, несколько часов, с тех пор, как забрали Мигорта. Тянулись минуты, Ивири свернулась клубком на каменном полу, закрыла глаза и представила свое синее бескрайнее море, теплый летний ветер, брызги соленых волн. Она проснулась от того, что замерзла – дрожала так, что зуб на зуб не попадал. В камере было по-зимнему холодно. Ивири принялась растирать закоченелыми руками предплечья. Странно, но ноги не околели, хотя ужасно ныли и болели – она дотронулась до ступней и поморщилась – они были разбиты. Ощущение времени полностью покинуло девушку. Она окликнула Тию, но та не отозвалась. Хотелось есть и пить.

Загремели двери. По коридору вновь кто-то шел. Несколько человек. Ивири увидела ноги стражника и длин-

ные черные одежды его спутника. Они остановились напротив ее камеры, послышался звук отпираемого замка, дверь открылась. Ивири вжалась в стену, боясь увидеть бритоголового капитана, но в проеме показалось лицо неизвестного старика. Он согнулся вдвое, чтобы разглядеть девушку в низкой клетке.

– Выходи, дитя, – сказал он и, кряхтя, разогнулся. Ивири подчинилась и выползла из своего укрытия. Старик протянул на удивление сильные и такие теплые руки, помогая ей подняться с колен, несколько раз прищелкнул языком, сокрушенно покачал головой, разглядывая девушку.

– Пойдем.

Они прошли мимо низких клеток и Ивири оглянулась. Бесконечные ряды терялись в глубине помещения. Были ли в других ведьмы-медиумы? Вокруг стояла мертвая тишина.

– Идем, идем, – повторил старик, мягко беря ее под локоть и направляя к выходу.

Они вновь шли по лабиринту подземелья, однако теперь не спеша поднимались вверх. Крученые лестницы становились все изящнее, воздух теплел. Ивири с трудом передвигала разбитыми ногами, но стражники не подгоняли ее, а кое-где, напротив, поддерживали под руки.

– Ты можешь идти дальше? – заботливо спросил старик, когда девушка не смогла подавить стон, ступив израненной ногой на камень.

Ивири кивнула. Чем выше они поднимались, тем легче ей

становилось дышать. «Неважно, куда меня ведут, лишь бы подальше от этих гробниц. Мигорт был прав, подземелья убивают. А сейчас я чувствую, как вновь возвращаются силы... Жив ли он сейчас?» – вспомнила она. «Ведь его вытащили из гробницы раньше. Быть может, так же, как и ее, провели по этим лабиринтам... Ах, только бы выжить! И что угодно, лишь бы не пытки! О чем он там говорил? „Отдать свой дар в обмен на жизнь раба“. Но ведь я ничего не умею, не понимаю в этих проклятых дарах!»

Они поднимались долго, пока не свернули в один из дверных проемов и не вышли в широкий коридор, ярко освещенный факелами и свечами. Ивири старалась внимательно запоминать все вокруг. Она твердо решила, что выживет и сбежит. На полу лежал темно-красный ковер с таким глубоким ворсом, что израненные ноги девушки провалились в шелковую мягкость по щиколотки. Стены украшали огромные картины, на которых расцветала земля Варрока – вот весенняя оттепель на реке, стайка птичек нарисована, как живая, а на другой колосится золотом пшеница в поле. На одной из картин был нарисован высокий воин в боевых доспехах, а позади него маячила армия в таких же одеждах, как и у стражей, сопровождавших сейчас девушку и старика. Ивири, впервые увидев настолько большие, цветные и реалистичные картины, на миг обо всем забыла, с удивлением открыв рот. Но старик все так же мягко, но настойчиво вел ее под руку. Они пересекли длинный коридор и останови-

лись у высоких дверей. Без всякого стука двери распахнулись, и в лицо девушке ударил яркий дневной свет.

Глава 5

«Дерикан Неруим, знаешь ли ты, что означает твое имя на древнем родарийском? Проснувшийся Дух. Когда я рожала тебя, ты спал. Ты вышел из меня и вновь мгновенно уснул. Мы думали, ты умер. Старая Ацу дунула тебе в лицо, и ты открыл свои невероятные глаза. У старухи подкосились ноги. Мы стали первыми влюбленными в тебя женщинами. А ты опять заснул. Мы молчали до рассвета. А когда она распалила под утро огонь, ты проснулся. И мы обе, как зачарованные, не могли оторвать взгляда от твоих прекрасных глаз – ярко-синих, как осеннее небо. «Это самый красивый ребенок на Земле, Ацу», – сказала я. «Он много спит, Лорка, – ответила старуха. – Но однажды проснется. Дерикан. Дерикан Неруим».

Мама не раз рассказывала маленькому Дерикану о его знаменитом отце. Абарин Неруим – великий маг Белой Башни Нот, Главный Советник Верховных Вачанов Вайядарии. Он почти никогда не приходил к ним с матерью в их скудно обставленный маленький деревянный домик на самом краю поселения родарийцев. Он был занят в Белой Башне Нот – по словам матери, «творил там музыку мира». У Дерика сохранилось лишь несколько обрывочных воспоминаний об отце. Вот дверь открывается и в дом входит высокий мужчина в длинном белом плаще. Он наклоняется. Трехлетний

Дерик видит совсем рядом большие синие глаза. Мужчина на чем-то недоволен. Мальчику вдруг стало холодно. Белый плащ уходит.

Следующее воспоминание сохранилось яснее. Отец пришел, как решил поначалу Дерик, с подарком – положил на ладони мальчика черный, в разноцветную крапинку, камушек. Таких камней было много на берегу. Были и красивее. Дерик с удивлением рассматривал то камушек в своей ладошке, который вдруг показался ему самым особенным на свете, то морщинистое загорелое лицо, на котором все так же пронзительно сияли синие глаза. Взгляд отца завораживал. Они смотрели друг на друга долго. Потом отец вдруг забрал у него камень и похлопал по макушке. На этот раз он, вроде, был доволен. Ушел, не сказав ни слова.

В очередном воспоминании он забрал Дерика с собой и повел к океану. Мальчик видел, что мама крадется сзади, а потом вдруг почувствовал, что мама уже не смотрит, оглянулся – ее действительно нигде не было. Они с отцом сидели возле океана, и Абарин рассказывал что-то о *силе*. Дерик почти ничего не понимал, просто рассматривал и слушал отца, боясь дышать. Потом он опять ушел в свою Башню, и на этот раз надолго. Маленький Дерикан очень хотел побывать в загадочной Белой Башне Нот, но мама не позволяла отходить далеко от дома. На его просьбы и слезные мольбы пойти к отцу, она лишь грустно вздыхала: «Я не смогу попасть в Башню Нот, Дерик, а ты еще слишком мал для этого». Как-то раз

мальчик сбежал от матери и добрал до белеющей вдали башни. Вблизи она оказалась огромной, как скала. Он обошел ее всю несколько раз кругом, сбил ноги, устал, много плакал и кричал, но так и не нашел ни дверей, ни окон в гладком белом камне. Как отец входил сюда? Почему он, Дерик, не может? Высоко-высоко наверху темнели окна. Быть может, его папа умеет летать? Он сел на траву и долго плакал, до тех пор, пока его не нашла мама.

– Жизнь моя, я думала, ты утонул! – она тоже плакала вместе с ним.

– Я хочу к папе! К папе в Башню! Почему он не открывает мне!

Она помолчала, обнимая и поглаживая его по спине.

– Когда-нибудь Башня сама откроется тебе, Дерик. Обязательно. Нужно еще немного подрасти.

В последний раз он пришел к ним, когда Дерику было шесть лет. Той ночью мальчик проснулся и увидел, что мамы нет рядом. Он соскользнул с кровати и выглянул в окно. Месяц осветил фигуру стоящего мужчины в длинной белой мантии. У его ног на коленях стояла женщина, в которой Дерик узнал свою маму. Мужчина не двигался, а голова женщины дергалась, словно ее били по лицу. Потом ее тело тоже начало дергаться. Дерик закричал. Мужчина вздрогнул и оглянулся на него. Мальчик отшатнулся от окна и в испуге забился под кровать. Кажется, прошло очень много времени, прежде чем открылась дверь в доме, и Дерк узнал в сторб-

ленной фигуре маму. Она была вся в крови. Дерик мгновенно вылез из своего укрытия и бросился к ней. Когда мать обняла его, он почувствовал, что она вся дрожит. Он довел ее до кровати. Мама со стоном легла, а он принялся аккуратно промокать ее раны влажным полотенцем, смывая кровь. Они оба молчали, дрожали и беззвучно плакали – его слезы катились по щекам, капая ему на руки, мешаясь с ее кровью. До самого утра Дерик гладил ее по голове.

С того момента отец больше не приходил к нему. По мере своего взросления Дерик все чаще стал замечать синяки на теле матери.

– Откуда у тебя эти синяки, мама?

– Я споткнулась в лесу, когда собирала хворост, милый. Твоей старой маме нужно просто быть внимательнее, – улыбалась она.

– Ты не старая! Ты очень красивая! – ему было уже семь лет, и он твердо знал, что его мама – самая красивая на земле. – Вот Ацу – она старая. А ты – нет! И теперь я сам буду собирать хворост.

Старуха Ацу приходила к ним каждую неделю, приносила из поселения сплетни и молоко. Коровы и козы не жаловали их с мамой дом, поэтому Дерик с Лоркой питались овощами и фруктами со своего сада, орехами, грибами и ягодами, которые в изобилии росли у кромки Покаянного леса. Дерик не любил молоко, а мама очень любила. Они садились вместе со старой Ацу на теплом прибрежном песке океана Аитейна

с двумя большими чашками: в одной было молоко для мамы, в другой – крепкий травяной чай для Ацу. И болтали до рассвета. Ацу рассказывала интересные истории о том, что происходит в Родарии и в большом мире. О том, что мудрейшие вачаны обеспокоены хрупкостью равновесия в Вайядарии и что грядут большие перемены в Окутных землях, что близок час развала великой Вайядарии на Родарию и Варрок. Дерик засыпал прямо у ног матери под шум прибоя и негромкие разговоры женщин.

Как-то раз мальчик услышал, как Ацу сказала маме: «Беги, Лорка, иначе он убьет тебя». В тот день они проснулись, и Дерик заметил, что у мамы большой синяк на пол-лица и она не может поднять руку – локоть распух и посинел. Мама обмотала через плечо кусок материи и подвесила на ней больную руку. «Куда бы я ни ушла, Ацу, он найдет меня, – негромко ответила мама. – Разве что податься в Химкары. Но я не могу подвергать Дерика такой опасности и обречь его на вечные скитания по неприступным горам. Да и здесь ему лучше всего. Его он не тронет... Я сказала – Химкары? Так вот, я думаю, что он найдет меня даже в бесконечных лабиринтах лютых скал – я связана намертво, Ацу. Он связал меня». Какое-то время они молча смотрели друг на друга, потом старуха кивнула и больше об этом не заговаривала. Дерик посмотрел внимательно на маму и не заметил на ней никаких веревок. Взрослые иногда говорят очень странные вещи.

Ему было уже восемь лет той весной, когда мама пропала. Утром Дерик не нашел ее ни в саду, ни у моря. Он ждал ее до обеда у дверей, потом пошел в Покаянный лес. Он кричал до хрипоты, но она так и не вышла. Тогда он решился и пошел к Белой Башне. Он встал внизу и позвал маму. Не отца. От страха мальчик не мог даже плакать. И впервые Башня открылась перед ним – стена раздвинулась прямо напротив того места, где он стоял, образовав широкий арочный проход. Дерик настолько удивился, что даже перестал бояться. Большой зал, открывшийся его взору, был без окон, открытый проход осветил два длинных деревянных стола, пару шкафов вдоль стен и камин. На полках стояла кухонная утварь, а на столах лежало несколько книг. Абсолютно все в помещении покрывал толстый слой пыли, даже книги. Кажалось, тут никто не жил целые годы, если не десятилетия. Дерик заметил узкую лестницу вдоль стены. Крутые ступени вели на второй этаж. Ступив на нее, мальчик сразу понял, что лестницей пользовались – пыль и занесенный прибрежный песок сохранили множество крупных отпечатков ног, и сердце Дерики вновь забило сильнее. Наверху оказалась еще одна комната немного меньшего размера. Мальчик с испугом оглядел несколько десятков пустующих кроватей, на которых, судя по паутине и вездесущей пыли, тоже много лет никто не спал. А лестница уходила все выше. Внезапно к нему пришло понимание, что он никогда больше не увидит свою маму. Дерик замер на ступенях, словно громом пора-

женный, пытаюсь сделать вдох, и в этот миг сверху, словно с потолка, раздался громкий хриплый голос:

– Ну, наконец, Дерикан Неруим, я дождался тебя. Покажись мне, маг!

От испуга Дерик окаменел на мгновение, но тут же пришел в себя и бросился вниз к выходу. Поток холодного воздуха подхватил его и поднял над полом. Дерик вскрикнул, зависнув под потолком. Голос хрипло засмеялся.

– Трус, мой сын трус, как и его бездарная глупая мать! – хохот оборвался и голос наполнился злобой. – Будь мужчиной, Дерикан Неруим! Покажись мне, маг!

Воздух отпустил его, и мальчик шлепнулся на ступени, больно ударившись спиной.

– Моя мама не глупая! – закричал он, размазывая слезы по щекам, и бросился на этот раз уже вверх по лестнице. Ему вдруг захотелось прокричать эти слова в лицо противного, злого отца. Его мама не глупая! Это он глупый – Абарин Неруим! Он заставит вернуть ему его маму! Злость и обида бушевали в Дерике так сильно, что он всего за несколько минут пробежал два или три этажа Башни и замер. Посреди большого светлого зала перед ним стоял высокий мужчина в длинной белоснежной мантии. Синие глаза все так же мерцали на искривленном злобой загорелом лице, серебристые седые волосы спускались почти до пояса.

– Да ты все такой же червяк, каким я видел тебя в последний раз, – презрительно произнес Абарин.

– Где моя мама?! – выкрикнул Дерик. Он задышался от быстрого бега.

– Лорка бездарно отжила свой срок, червяк, – ответил мужчина. – Забудем о ней. Башня открылась тебе, так покажи, на что ты способен!

– Где моя мама?! Что ты с ней сделал?! – Дерику начало трясти от страха и злости. Он хотел одновременно вцепиться в лицо этому человеку и, в то же время, убежать далеко, в самую глубь Покаянного леса, спрятаться под широкими корнями древнего дуба.

Внезапно Дерик почувствовал сильный удар по лицу, и из носа потекла кровь. Мальчик упал на пол. Абарин Неру-им не двигался, лишь смотрел на него, продолжая презрительно улыбаться. Вот как он бил маму – своим колдовством. Сейчас этот колдун его убьёт. Дерик крепко зажмурился, услышал хлопок и в тот же миг провалился в темноту.

Наверное, потерял сознание, потому что очнулся уже в большой мягкой кровати в незнакомой комнате. Мальчик пошевелился, с удивлением озираясь. На нем была чужая одежда, и все вокруг было совершенно чужим. Где он?

– Доброе утро, Дерик, как ты спал этой ночью? – вопрос ему задал незнакомый мужчина, который поднялся из глубокого кресла в углу комнаты.

– Я не знаю... – Дерик закашлялся, прочищая охрипший голос. – Что случилось? Где мама? – он со страхом вспомнил последний миг.

У человека в длинном сером плаще были внимательные добрые глаза.

– Дерик, как я рад, что мы можем с тобой наконец-то поговорить! – сказал он. – Но, к сожалению, произошло ужасное... Твоей мамы не стало, – он замолчал, медленно приблизившись к кровати.

Дерик перевел взгляд в стену перед собой. Значит, Абарин все же убил ее.

Странная пустота внутри.

– А где *он*? – они оба понимали о ком вопрос.

Помедлив с мгновение, мужчина ответил:

– Абарин Неруим также погиб, Дерик. Мы нашли их обоих у подножья Белой Башни. Ты что-то знаешь о том, что там произошло?

Дерик молча покачал головой. Ему не хотелось плакать, и не было больше страха. Эта странная пустота внутри нравилась ему все больше.

– Меня зовут Дерк, – ответил он мужчине. – Я ничего не помню. И не хочу больше об этом говорить. Можно, я еще посплю?

Мужчина кивнул и медленно вышел из комнаты. Позже, когда к нему ворвалась старая Ацу, Дерк узнал, что это был Сектирион, служитель Угловой Башни. На расспросы Ацу он отвечал точно так же, ведь действительно ничего не помнил. В свою очередь, Дерк узнал, что в тот день тела Лорки и Абарина нашли лежащими рядом на песке у входа в Белую Баш-

ню. Его самого, грязного и оборванного, пожирающего земляные орехи, нашли лишь через несколько дней, прочесывая Покаянный лес. Целых семь дней мальчик ничего не говорил, а только спал и ел, вплоть до сегодняшнего дня. Вот почему Сектирион так обрадовался тому, что к Дерку вернулась речь.

Загадочная смерть великого волшебника Окутных земель и его жены обросла легендами и домыслами, а их сын остался жить в Угловой Башне со служителями и начал свое обучение. Его даром была магия. «Как у отца», – шептались за спиной мальчишки, которые, казалось, побаивались Дерка. Он не носился с ними по коридорам, не баловался дарами, не сбегал ночью к озеру и почти ни с кем не дружил лет до четырнадцати. Пока не познакомился с ней.

То лето выдалось жарким даже для жителей Родарии. Медиумы спасались от зноя в прохладных водах океана, чаще уходили днем в Покаянный лес, ветви которого толком не пропускали солнечных лучей. В один из таких дней, после позорного провала на Истории Времен и кое-как отработанных мелких заклятий, Дерк тоже отправился в лес. Очувтившись в спасительной тени, он решил пройтись и уже через сотню метров наткнулся на десяток корняков за работой. Юноша взобрался на дерево, решив понаблюдать за этими интересными лесными жителями, а заодно и вздремнуть немного. Корняки, в отличие от людей, говорили крайне редко, вели себя тихо, а при желании вообще бесшумно,

и, как и большинство обитателей Покаянного леса, заботились, в первую очередь, о самом лесе – лечили зверье и растения, уделяя особое внимание могучим деревьям. Наблюдать за ними было сплошным удовольствием. Они складывали заново сломанные ветви, обматывая их повязками, сшитыми из заговоренных трав, выдували вредных личинок из-под коры, подводили каналы подземных вод к засыхающим корням. Роста корняки были малого – с трехлетнего ребенка, на голове вместо волос торчали корни, отчего и получили свое название. В тот день дружная компания из пяти корняков сосредоточенно и молча изучала странного вида большой грибник, разросшийся на коре одного из дубов. Заметив Дерка, но не обратив на него никакого внимания, они вглядывались в грибы, поглаживая их, обнюхивая. Один даже попробовал жевать, откусив кусочек грибной шляпки, но смешно пискнул и сплюнул, скривившись. Дерк только устроился поудобнее на ветке, как вдруг с удивлением заметил, что компания дружно бросилась в рассыпную и исчезла под корнями деревьев. Через мгновение на поляну вышел грязный лохматый медведь, а на его спине – Дерк едва не свалился с ветки – сидела еще более грязная и лохматая девочка. Она была вся исцарапанная и ужасно худая. Оглядевшись, она негромко сказала, обращаясь, видимо, к медведю:

– Наверное, мне показалось, Эйдей. Здесь никого нет.
Девочка слезла на землю и легла на траву.

– Я немного отдохну, и пойдём дальше, ладно?

Медведь зарычал. Он был с ней не согласен. Дерк заинтересованно уставился на него. Этот медведь, с ним было что-то... Да это же оборотень!

– Заблудились? – Мальчик не удержался и ухмыльнулся, отметив, как вздрогнул мишка и подскочила девочка. Он приветливо помахал им рукой. – И куда направляетесь?

– В Родарию, – девочка с надеждой уставилась на него своими прозрачными голубыми глазами на обтянутой бледной кожей худом лице. Вид у нее был откровенно больной. – Вы поможете нам?

– Могу помочь, – улыбнулся Дерк, которому вдруг стало ее жаль, и соскочил с дерева. – Вы почти пришли, – он указал направление. – Могу проводить.

– О, – видимо, сил ее хватило только на это слово, но она сделала шаг к нему и вдруг взяла за руку. Ее запястье было таким тонким и хрупким, что, казалось, одно неосторожное движение, и кость треснет. Дерк с удивлением уставился на нее. В Родарии все девчонки выглядели по-другому: румяные, крепкие, с сияющей кожей. Бывали моменты, когда они находились совсем рядом, бросая на него свои томные взгляды и подшучивая, ему хотелось схватить любую из них, сжать, почувствовав в своих руках эту мягкость и свежесть. Даже слегка укусить. Эта девочка не имела с ними ничего общего. Худая, бледная, тонкая, словно паутина. Интересно, она просвечивает на свету? Она глубоко вдохнула, и на гла-

зах заблестели слезы.

– Мы будем вам очень благодарны... Я Лана, а это мой друг, Эйдей. Он оборотень... – она сглотнула и вдруг добавила: – Я иду от самого Кеаска и не ела уже три дня. У вас есть что-нибудь поесть? Тут нет ни ягод, ни орехов... Я боюсь, что... этот лес... Он словно убивает меня.

Дерк нахмурился. Покаянный лес может пересечь только медиум. Если эта девочка умирает в нем, значит, она бездарная. Но как же она преодолела почти весь лес? Он посмотрел на медведя. Ее перевез оборотень. Ну, ясно. Глупый увальень практически убил девчонку. Дерк пошарил по карманам и протянул ей половинку печенья.

– Мы будем в долине через пять минут. Там я накормлю тебя.

Она так больше и не выпустила его руку.

* * *

Дерк вернулся от оружейника с другого конца Рукрина, когда солнце уже село за горизонт и застал страшную картину развалин обгоревшего дома. Неподалеку еще топтались соседи. На вопрос, что случилось, тучная женщина в замасленном фартуке сообщила, что подземные стражи обнаружили в доме целительницы ведьму и арестовали ее, а также саму Лану за укрывательство. Глубочайший ужас сковал его тело и разум, несколько минут он не мог пошеве-

лится, осознавая произошедшее. Подземники перешли черту и напали на дом целительницы. Невинной благословенной целительницы Ланы. Его Ланы. Он привел к ней явлинку и подставил под удар. Яростный животный рык вырвался из груди, не чувствуя боли под ногами, мужчина бросился на раскаленные угли. Сумасшествие, овладевшее им, быстро разогнало зевак по домам и Дерк остался совершенно один на улице. Он разнесет в щепки все подземелья, но вернет ее и спрячет у себя под сердцем! Стоя посреди обгоревшего сада, Дерк попытался успокоиться, собрал всю имевшуюся у него силу и мысленно воззвал к ней:

– Лана, любимая! Услышь меня!

И она отозвалась. Сразу, словно ждала этого. Далеким, родным голос прошел сквозь его разум.

– Я ждала тебя, Дерк. И ты пришел. Выслушай сейчас. Ты не должен спускаться в подземелье, меня уже не спасти... Послушай меня! Ты должен найти в городе Клину. Я чувствую, она там, рядом с тобой... Она почти не сияет... Ужас сломал девочку. Ты должен найти ее, Дерк. Это твоя дочь. Наша с тобой дочь... Как жаль, что я не дожидала до того момента, когда смогла бы сказать об этом, глядя в твои родные глаза. Но я чувствую тебя... Ты не можешь поверить... Я рада сделать тебе этот подарок, пусть он будет последним, но самым ценным... Я скрывала ее ото всех, чтобы уберечь нашу девочку. Она не знает, кто ее родители. И я внушила Каре, да простят меня Небеса... Кли-

на должна учиться, Дерк. Отвези ее в Угловую башню...

– Нет, Лана! Я спасу тебя! Держись! – мысленно закричал Дерк и упал на землю, обжигая губы углями.

– Мое тело уже не со мной, Дерк.

Даже на таком огромном расстоянии он чувствовал легкую грусть в ее голосе.

– Я стою на пороге нового мира. Исполни мою просьбу, любимый. Оберегай нашу дочь.

Голос оборвался и наступила полная, безнадежная тишина. И тогда впервые со времен своего детства Дерк заплакал.

Глава 6

Высокие окна подпирали расписной потолок, открывая потрясающий вид на бескрайние Химкары с белоснежными, словно присыпанными сахарной пудрой, макушками горных пик. Посреди длинного просторного зала стоял красивый резной стол, уставленный разнообразной едой. Желудок Ивири жалобно сжался при виде такого обилия фруктов, сыров, хлеба и мяса. Она растерянно оглянулась по сторонам. Казалось, кроме нее и двух ее провожатых тут больше никого не было. Из глубины зала за ней следили лишь бесстрастные бледные лица незнакомцев, изображенные на гигантских настенных портретах. Мягкий ковер остался в предыдущем зале, а тут ноги ступали по холодным гладким плитам. Что будет дальше? Зачем ее сюда привели?

От колонны у окна внезапно отделилась тень. Девушка вздрогнула, ощутив нечто знакомое – *взгляд*. Что, если в том и состоит ее дар – чувствовать взгляды всем телом? «Неужели за это жалкое умение меня вновь покалечат или убьют?» – горько подумала Ивири. Однако, несмотря на страх и усталость, девушка отметила про себя, что уже успела немного привыкнуть и начала различать взгляды. Словно легкий ветерок обволакивали теплом глаза Дерка и Ланы, что-то похожее, но намного слабее, шло от Мигорта или Тии – сейчас сложно сказать, кто именно из них *посмотрел* на нее.

Холодом сковывали душу и тело бритоголовые у дома Ланы и в подземелье.

Этот взгляд не был теплым или холодным, но, между тем, был очень сильным. Мужчина не спеша отошел от окна, и Ивири смогла лучше его рассмотреть. Серые глаза пристально взирали на нее из-под темных бровей. Отливающие серебром доспехи королевской стражи, внушительный рост, темные с проседью волосы, на лбу и возле глаз засели первые морщины, а узкий рот и квадратный подбородок покрывала густая щетина. Неестественно прямая спина выдавала военную выправку. Воины с такими спинами несколько раз проезжали мимо их деревеньки на своих красавцах-жеребцах, вызывая буйную радость местных девиц. Его можно было бы назвать красивым, если бы не властность и откровенно высокомерное поведение. Он едва заметно кивнул, и страж со стариком мгновенно покинули зал.

– Кто ты?

Негромкий голос тянул правду. Ивири, словно замороженная, уставилась в прозрачно-ледяные глаза. Умели ли они смотреть с теплотой? Такой цвет был у горной речушки во время зимы, когда она промерзала до самых камней. Девушка поняла, что ему невозможно солгать.

– Мое имя Ивири.

– Твой дар?

– Я не знаю...

Едва заметная тень пробежала по его лицу.

– Кто обучал тебя?

– Никто, в нашей деревне нет школы. Лекарь Маим давал мне разные книги, и я сама научилась читать.

– Как давно ты проявилась, медиум?

Ивири непонимающе смотрела на него. Похожие вопросы задавала ей Тия, только сейчас колебаний не было – Ивири вдруг остро почувствовала, что должна сказать все – выложить все свои сомнения и догадки. Что-то тянуло из нее правду. *Он* тянул из нее правду.

– Я, правда, не понимаю... К нам в деревню пришел медведь, и я смогла понять, что он не опасен, даже наоборот... И еще я чувствовала, что кот голодный... – Она торопилась и говорила сбивчиво, едва сдерживаясь, чтобы не расплакаться от страха и отчаяния. – Так, как вроде бы была у него в голове. И верна Лана сказала не пускать меня к животным... И еще, я чувствую, когда вы смотрите на меня... И человек на улице в красном плаще тоже так смотрел. Но это все! Я не делала ничего плохого, я не ведьма, это ошибка! И вы же знаете, что я говорю правду!

Он знал, Ивири была уверена в этом. Человек поднял вверх правую руку, и она умолкла.

– Я верю тебе. Подойди ближе.

Девушка так поторопилась, что чуть не рухнула перед ним на колени, споткнувшись. Она остановилась на расстоянии вытянутой руки, не смея отвести взгляда.

– Кто твои родители?

– Я не знаю. Меня маленькой нашли в ущелье Ашрум и приютили у себя местные рыбаки. С ними я и выросла.

– Сколько тебе лет?

Этот вопрос прозвучал чуть резче или ей показалось?

– Семнадцать.

Человек моргнул и вдруг наклонился к Ивири, словно пытаясь что-то разглядеть у нее на лбу. От страха она отвела взгляд.

– Смотри мне в глаза!

Ивири подчинилась. Холодный воздух прошел сквозь нее несколько раз. От силы этого взгляда девушка даже пошатнулась.

– Ты голодна. Сядь поешь, – вдруг сказал он, резко отстранившись, отвернувшись и быстрым шагом отошел обратно к окну, уставившись на горные хребты.

Не зная, чего ожидать в следующие минуты своей жизни, Ивири не заставила просить себя дважды, бросилась к столу и сунула в рот сдобную булку. Глотая впопыхах и не жуя, она, к величайшему своему стыду, подавилась, закашлялась, не в силах проглотить огромный кусок, и сделала глоток из ближайшего кубка. Обжигающая жидкость хлынула в желудок. У нее на глаза навернулись слезы, и девушка закашлялась еще сильнее, обхватив обеими руками свое горло. Это был яд!

Он обернулся, удивленно приподняв брови, подошел к столу, отлил из кувшина в кубок прозрачной жидкости

и подал его Ивири. Хвала Творцу, это была обычная вода! Как только девушка окончательно прокашлялась, мужчина вновь задал вопрос:

– Как ты оказалась в Рукрине?

– Я... заболела. Меня привезли к целительнице. Она вылечила меня.

– Чем ты была больна?

– В селе решили, что я ведьма. Это из-за того медведя...

Они хотели изгнать из меня злые силы.

– Кто спас тебя?

– Странники. Они ехали в Рукрин и забрали меня с жертвенного камня. Везли в своей повозке. Я только помню, как очутилась в доме целительницы Ланы. Скажите, ее убили? – внезапный вопрос вырвался помимо ее воли.

– Лану? – лицо его было бесстрастно. Не глядя на нее и не дожидаясь ее кивка, он ответил, – Я не убиваю медиумов.

– А что вы с ними делаете? – осторожно спросила девушка, обрадовавшись тому, что может задавать вопросы.

– Я предлагаю им сотрудничество.

– С Правителем?

Он слегка улыбнулся одними губами и кивнул.

– А если они отказываются?

– Что ж, в таком случае я вынужден навязывать им сотрудничество. Во благо Варрока.

– То есть... то, что с нами делают там, внизу... Держат там

в этих гробах... Это и есть навязывание сотрудничества? – она поняла, что ступила на край пропасти, но не могла остановиться. – Когда не оставляют выбора? Либо подчиниться и делать что-то для Правителя, либо умереть в муках?

– Именно так, Ивири, – очень странно прозвучало ее имя из его уст в пустоте огромного зала. Словно он пробовал его на вкус. Позади нее послышался шорох. Ивири быстро обернулась. В дверях вновь стоял тот самый старик, что привел ее сюда. Он склонился в почтительном поклоне. Следы былой смелости испарились, Ивири съежилась от страха. Что будет теперь? Неужели ее опять посадят в эту узкую клетку под землей?

– Отведи девушку в серые покои, – властно отдал приказ стоящий рядом мужчина. – Дай ей все, что необходимо для восстановления.

Старик отвесил еще один поклон. Казалось, вот-вот и он, не удержавшись на ногах, ударится лбом об пол.

– Мы еще сможем продолжить наш разговор, Ивири.

Девушка, повинувшись странному внутреннему порыву, также склонила голову перед высоким человеком в блестящих доспехах.

* * *

– Она выглядит достаточно спокойной. – Веран Криен стоял над картой Варрока, задумчиво поглаживая пальцами

правой руки вершины гор Ашрум.

– Она напугана и сломлена клеткой, мой господин. Но стоит ей прийти в себя... – Старик задумчиво пожевал нижнюю губу. – Новоявленные порой проявляют недюжинный норов. Необученные, они не в состоянии контролировать силу, которая может настигнуть их в любое время. Это может случиться через месяц или в следующее мгновение. Вдобавок постоянные переживания... Девушке следует немедленно начать обучение, чтобы она не навредила ни себе, ни окружающим.

– Ты прав, Лераскес, я уже забыл, каково это. – Веран нахмурился.

– К превеликому моему стыду, господин, я тоже. Эта девушка – первая явлинка под крышей Уорка с тех пор, как... – старик крякнул и виновато замолчал.

Веран криво усмехнулся:

– Договаривай, старик.

– Мой господин, память моя уже не настолько сильна.

– Не ври мне, маг. Моя железное сердце не забьется от жалкой правды.

Старик упорно молчал, пряча взгляд под кустистыми седыми бровями. Он знал, что Правитель Варрока на самом деле не хочет говорить о прошлом.

– Ей семнадцать, и ее нашли в горах Ашрум.

– Мой господин...

– Я хочу, чтобы ты занялся ее обучением. Пусть живет

в твоей башне, предложи ей... Лунную комнату. Я запрещаю явлинке покидать башню. На всех выходах будет расставлена охрана.

При упоминании о Лунной комнате Лераскес воззрился на своего господина, а после медленно опустил седую голову и покачал ею.

– Неволя, мой господин...

– У меня нет выбора, маг. И времени у меня тоже нет. Если она... *ее* дочь. Я хочу, чтобы ты выяснил это. И как можно скорее.

Глава 7

– Поела бы хоть что-нибудь, дочка, – тетушка Рехта устало опустила рядом на скамью. – Не изводи себя. Тебе силы нужны, чтобы справиться, пережить все это.

Клина не ответила. Она не могла думать о еде. Думать о чем-то вообще было сложно, и девочка сосредоточилась на крошечной соломинке, крепко зажатой в холодной ладони. «Сон, дурной сон», – твердила про себя Клина, сгибая и разгибая желтую высохшую травинку.

– Не ест, так не ест, – подал голос с другого конца стола старик, вымакивающий куском ржаного хлеба остатки похлебки из своей миски. – Лишний рот нам ни к чему. Да еще и из этой своры. Или ты хочешь и своего дома лишиться?

Он обращался к Рехте так, словно девочки в комнате не было. Четверо мальчишек молча хлебали свои порции, бросая исподлобья хмурые взгляды на Клину. Она редко общалась со сверстниками. Соседские дети гоняли по пыльным дорогам, развлекались, щекоча свиней палками, устраивали шуточные рыцарские турниры. Клине это было не интересно. Целыми днями и вечерами пропадала она с Ланой на сверкающем светом, белизной и чистотой чердаке, наполняясь сладкой силой, наблюдая, как под ее руками затягиваются раны, как лицо больного преобразует бессознательная улыбка, чувствовала тепло и красоту работающей рядом

женщины и была счастлива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.